

Житие
священномученика Аркадия Гаряева

Село Боровское Курганской епархии.
Женский монастырь Похвалы Пресвятой Богородицы.

ЖИТИЕ
СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА АРКАДИЯ
(ГАРМЯВА)
ПРЕСВИТЕРА БОРОВСКОГО.

(день памяти 14 июля по н. ст.)

Екатеринбург
2007

Благословение монастыря Похвалы пресвятой Богородицы.

Житие пресвитера священномученика Аркадия Боровского (Гараяев)
/ Сост. Г.А Кротова, А.В. Печерин. – Екатеринбург: Б. и., 2007, С.

*Г.А. Кротова, А.В. Печерин.

*Текст, архивные изыскания, составление,
комментарий, макет, оформление.

**Жизнеописание
Священномученика
Аркадия Боровского (Гараяева)**

Священномученик *Аркадий* родился 16 января 1878 год в Верхне – Туринске,¹ в семье священника *Николая Алексеевича Гаряева* и жены его *Марии Ивановны*.² Отец его служил в храме Святителя Николая Чудотворца, Верхне – Туринского завода.³ Семья отличалась глубокой верой и благочестием.

В семье отца Николая было 7 детей: *Мария, Анна, Елизавета, Аркадий, Ксения, Зинаида, Виктор*. *Аркадий* был четвертым.

Св. Симеон Верхотурский.

*Три длинные века прошло с той поры,
Как в первый раз звон колокольный
Раздался на бреге далёкой Туры,
На севере диком, где вольно*

*Возулы одни на оленях своих,
Не зная забот кочевали...
Лосей, соболей, чернобурых лисиц
Охотой они добывали*

*Не знали они, что есть истинный Бог.
Творец, промыслитель вселенной:
Их бог, - деревянный без рук и без ног
Был идол, - пред ним всесожженье*

*Они приносили... Но миг вдруг настал, -
Огни этих жертв, догорая,
Себя отразил в блестящих крестах
Первого храма в том крае.*

*Из стольного города клич по Руси
Прошёл от царя: выкликались
Бояре, мещане, крестьяне, купцы,-
Тот край заселять... и стекались*

*Отвсюду пришельцы... и вера в Христа
Могучей волной захватила
Тот край, и за храмом там храм вырос
Вера та всё и всех победила.*

*Среди тех пришельцев – семейство одно
Портных небогатых – с ребёнком
На жительство в край тот суровый пришло...
Отец всё ходил по избёнкам:*

*У бедных таких же как сам, работал,
Семейству кусок добывая,
И мальчика сына к тому же приучал,
И сын привыкал подростая.*

*И стали за отроком тем замечать,-
Что часто весь день проработав,
Он в ночь не ложился на час даже спать,-
Всю ночь на молитве коротал.*

*Когда был досуг от работы, он в храм,
Забывши усталость и пищу,
Молиться тайком ото всех убежал,
Последним делился он с нищим.*

*Когда же в далёкой от храма, в глухой
Деревне работать случалось,
Он, удочки взявши для виду с собой.
В леса уходил..., и казалось*

*Тем людям, которым, то видеть пришлось,
Как он среди дремучего бора-
Молился, - что с неба сиянье лилось,
Блестая в слезах, что во взоре*

*Стояли – дрожа, и по впалым щекам
На грудь его тихо сбегали...
И часто стоял так по целым он дням,
И люди святым его звали...⁴*

В 1887 году отца **Николая** переводят настоятелем Покровского храма села Горный Щит, и назначают на должность Благочинного 3 – го округа Екатеринбургского уезда.

*Мария Николаевна
Гаряева (в замужестве
Сенилова), старшая
сестра сщмч. Аркадия*

Когда **Аркадию** исполнилось 10 лет, отец устраивает его в Екатеринбургское Духовное училище⁵ (в Духовные училища принимались дети духовного сословия (90%) в возрасте 10 – 14 лет).

Учился **Аркадий**, как значится в «Клировой ведомости», на содержании отца.⁶ Одноклассником **Аркадия** и одним из лучших учеников в классе был Павел Бажов, будущий великий Уральский писатель, но к прискорбию отрёкшийся от веры, активный участник печально известного своей жестокостью полка

«Красных Орлов», и автор более 50 антирелигиозных статей, на которых 6 человека даже защитили докторские диссертации.

Аркадий же учился не очень хорошо, находился в третьем, самом низшем разряде учеников,⁷ а в третьем классе училища, имел задолженность по греческому языку и был оставлен на второй год.⁸

В 1892 году, отца **Николая** переводят служить в Каменский завод (ныне город Каменск – Уральский).

Екатеринбургское духовное училище.

Закончив Екатеринбургское Духовное училище, **Аркадий** поступил в Пермскую Духовную семинарию в 1895 году,⁹ но проучившись там менее полутора лет ушел из семинарии, как значится в документах – уволен по болезни со 2 – го класса в 1896 году.¹⁰

Пермская духовная семинария.

С 30 – го июня 1897 года **Аркадий Гаряев** стал служить псаломщиком¹¹ в селе Покровском Екатеринбургского уезда при Покрово – Богородицкой церкви.¹²

14 марта 1898 года, **Аркадий** был переведён на должность псаломщика к Свято – Троицкой церкви Каменского завода, Камышловского уезда,¹³ а через год 8 июля 1899 года был посвящён в стихарь.¹⁴ Настоятелем в Свято – Троицком храме¹⁵ и благочинным 2 – го округа¹⁶ был Протоиерей **Василий Владимирович Победоносцев**, в 1918 году принявший мученическую

кончину¹⁷ и причисленный церковью к лику Святых Новомучеников и Исповедников Российских.

Здесь, Каменском заводе отец **Аркадий** женился. В 1903 году, 25 мая в

молодой семье псаломщика **Аркадия** появилось пополнение, его молодая 20 летняя супруга **Агрипина Евгеньевна** родила первенца. Сына назвали

Михаилом¹⁸. А в 1905 году, 10 марта, родился еще один мальчик, которого назвали Николаем.¹⁹

В 1905 году 10 апреля Епископом Екатеринбургским и Ирбитским **Владимиром (Соколовским)** - псаломщик **Аркадий Гаряев** был рукоположен в сан диакона,²⁰ и был определён на псаломщическую вакансию к той же Свято – Троицкой церкви Каменского завода.²¹

Рукоположение совершалось в городе Екатеринбурге в Крестовоздвиженской

церкви.

Свято – Троицкий храм, Каменского Завод

В 1906 году, будучи диаконом, отец **Аркадий (Гаряев)** был определен законоучителем в Земское училище в деревню Ново – Зоводскую в пяти километрах от Каменского завода, Камышловского уезда, здесь он исполнял должность законоучителя в Ново – Заводском земском училище.²²

Молитва

*К Тебе мы прибегаем, Боже Милосердый!
О, сжался, Ты, над грешными людьми, -
Пошли им мир, молитве их усердной
О, Боже Праведный, без гнева Ты внемли.*

*Ты, укрепивший древле Моисея,
Послушавший его в святой его мольбе,
Услыши нас в молитве за Россию, -
Подай свой мир и тишину земле!*

*На брань Ты ополчивший древняго Навина.
И повелевший солнцу Гаваона стать, -
О, помоги святой борьбе христианина
Крамолы дух от родины отгнать.*

*Пошли державе нашей щит и ограждение,
В единомыслии ты укрепи людей,
Что облеченные народным к ним доверьем,
Стоят на страже мира родины своей.*

*Отри, Ты слезы матерей несчастных,
Этих за родину молитвенниц святых,
Что мучатся в тоске и скорби ежечасно,
Дрожа за жизнь детей неопытных своих.*

*О, не лиши нас Своего утешенья,
О, сжался, Боже, Ты над грешными людьми!
Внемли нам, Благостный, - и грешные моленья,
Как жертву малую, но чистую прими!*

Священник Арк. Гаряев.²³

В 1907 году отец **Аркадий (Гаряев)** был рукоположен в сан иерея (священника), и направлен к церкви Петра и Павла в село Петропавловское²⁴ (ныне город Североуральск), здесь он продолжил преподавание Закона Божиего в Земском училище, которое находилось в Петропавловском селе.²⁵

Здесь, в Петропавловском приходе, отец Аркадий начинает свою миссионерскую деятельность по просвещению вогул.

Вогулы.

(историческая справка)

Вот что рассказывает нам памятная книга Пермской губернии за 1880 год о вогулах:

«Вогулы или вогуличи – народ угоро – финского племени, находящийся по языку своему в ближайшем родстве с обскими остяками и с мадьярами или венгерцами. В и XVII веке они были настолько многочисленны, что в состоянии были угрожать не только вновь возникающим Русским поселениям, но и укрепленным местам, как например, Чердынь. Нынешняя незначительная численность этого племени и его разбросанность дают право заключить о постепенной ассимиляции их господствующим племенем.

Вблизи русских селений многие из них нанимаются в работники к Русским, усваивают образ жизни своих хозяев (в том числе и употребление водки) и исчезают из среды своего народа. Кроме того значительному вымиранию диких вогулов и слабому их размножению не мало способствует: суровый климат, лишение жизненных удобств, уменьшение дохода от охоты, и происходящая оттого большая бедность, притязания духовенства, которое при венчании требует столько денег, что молодые людьми по недостаточности остаются всю жизнь неженатыми, и наконец эпидемические болезни, из

которых оспа и сифилис производят большие опустошения между Вогулами. Особенное же уменьшение в Чердынском уезде Вогульского населения произошло в следствии перекочёвки значительной части их с реки Вишеры на реку Лозьеву Верхотурского уезда, где ныне главным образом и сосредоточены дикие Вогулы Пермской губернии. Вогулы же обруселые живут в самой восточной части Кунгурского уезда и северной – Красноуфимского; многие из них ещё в начале XIX столетия не могли говорить на своём языке, а употребляли исключительно язык Русский, кроме того не отличались от русских крестьян ни в одежде, ни в домоустройстве, ни в сельском хозяйстве. Что же касается до Иленских вогулов Ирбитского уезда, то они, приняв магометанство, «отатарились» и сделались даже известны под именем татар. Резко определённой племенной физиономии у вогул не заметно; в одной и той же местности встречается большое разнообразие лиц. Вообще же вогулы роста более среднего, нежели низкого; лицо круглое, щёки несколько выдававшиеся, как у всех народов финского племени; нос широкий, но не плоский; волосы тёмно - русые; глаза открытые и круглые, но часто испорченные дымом. Изредка встречаются лица, напоминающие собою монгольский тип. Зимой вогулы живут в своих деревишках, причём избы их представляют четырёх – угольный бревенчатый сруб, кое – как прикрытый драньём, с двумя или тремя небольшими окошками по большей части обклеенные бумагою или рыбьею кожею и редко со стёклами. Помещение дома невелико, не более 2 – х сажень в длину и 1,5 сажень в ширину. Дверь, пред которою иногда пристраивают навес или сени находится обыкновенно с южной стороны дома, потому что южные ветры не бывают столь сильны как прочие. Скотные дворы строятся отдельно от домов или же в связи с ними; кроме того имеются бани и небольшие амбары. Внутренняя обстановка вогулов также бедна как и наружная; грязный стол, кругом стен скамейки, полати, русская печь, а в некоторых домах чумал или чиул, род камина, берестовые корзины (чумены) с зерном или мукою, да в редких случаях сундук с домашним скарбом составляют богатство Вогула. Летом вогулы с семействами своими скитаются по разным местам, по берегам рек, занимаясь рыболовством и стреляньем птицы, для собственного продовольствия. При этом они уходят очень далеко, иногда за сотни вёрст и в местах временной остановки устанавливают для себя берестяные юрты или шалаши. Вообще вогулы могут необычайно скоро проходить весьма большие пространства, не уставая; но в силе рук уступают Русским. В отношении образа жизни вогул можно назвать оседлым охотничьим народом. Второстепенным же промыслом являются на юге по рекам Польше и Лозьеве, в некоторой степени земледелие и оленеводство, а на севере по реке Сосьве, рыбная ловля. Наиболее ценным имуществом своим Вогул считает охотничью собаку, без которой, равно как без ружья и топора, он не выходит из своего дома. Главным предметом охоты по преимуществу служат лось, соболь, белка; попадает и лисица. Лесных птиц ловят западнями. Рыболовным орудием по преимуществу служит невод. Вогулы по северной Сосьве, придают рыболовству весьма важное значение и извлекают из него большие выгоды. Что касается до земледелия, то оно вследствие заморозков и других причин не всегда вознаграждает потраченный труд.

Относительно пищи вогул не очень брезглив и разборчив. И зимою и летом он исключительно питается лесной дичью и рыбой, с тем различием, что летом он ест её свежую, а летом варит сушёную. Вообще вогул может долго выносить голод, но зато при случае с избытком вознаграждает себя за «претерпенные» лишения. После получения денег от покупателя они едят и пьют водку до тех пор пока ничего не останется в наличности, а затем терпеливо переносят последствия своей неумеренности. Лениость и беспечность, доходящая во время нужды до апатии, составляют отличительное качество этого народа. Все домашние работы отправляют женщины, которые большей частью искусные швеи, причём вместо ниток они употребляют оленьи жилы, либо крапивные волокна. Мужчины не занимаются никакими ремёслами. Бедняки поступают иногда в работники к русским крестьянам; но по неловкости и лености их, хозяева обыкновенно дают им половинную плату против русских работников. Не будучи мстителем вогул легко раздражается за пустяки, но также скоро успокаивается и сердечно примиряется с оскорбившим его. Навившись водки он становится наглым и дерзким, что опасно к нему приставать. К счастью он редко приходит в это состояние, именно однажды или дважды в год, когда посещает город. Устройство же кабаков и продажа водки в их деревнях строго воспрещены. Другое отличительное свойство вогула составляет трусливость и какая – то робость; не лишены они также некоторой доли гостеприимства, сострадания к ближнему, кротости, миролюбия и даже своего рода вежливости, как к знакомому, так и к незнакомому.

Вогулы не делятся на роды и племена, как Самоеды и многие другие сибирские народы, но разделены, подобно Русским крестьянам на волости с головами и старейшинами. Об их прежних властях не осталось никакого воспоминания, кроме того что несколько фамилий на северной Сосьве имеют притязания на княжеский титул. Вообще этот народ отличается верноподданними чувствами; везде осыпают они путешественника вопросами: как здравствует Сарни – Хан, (золотой хан, то есть император), как он живёт, одевается ли в платье из мехов, которые они платят в ясак и проч.?

Дикие вогулы все крещены и считаются христианами, но о религии имеют весьма слабые понятия и продолжают придерживаться многих языческих суеверий. Вогулы обруселые, вступая в брачные

союзы с Русскими, скоро теряют свой племенной тип, и без того нерезкий, и ни наружностью, ни одеждой, ни языком, ни образом жизни обычаями не рознятся от русских. Они трудолюбивы, смыслены; многие зажиточны. Попадают между ними весьма красивые люди. Русские крестьяне, говорят, весьма охотно отдают за них своих дочерей, но сами почти никогда не женятся на возуках. Замечательно, что у обруселых возуков население весьма быстро увеличивается. По словам г. Малиева, в деревне Лапаевой, расположенной на реке Лобве в Верхотурском уезде, народонаселение в последние 56 лет почти учетверилось».²⁶

Приход отца *Аркадия* вместе с деревнями и населенными пунктами, которые были приписаны к его церкви Петра и Павла, занимал самую большую территорию в Екатеринбургской Епархии²⁷ он включал в себя много деревень, некоторые из которых находились более чем в 100 верстах от Петропавловского села.

На Севере.

(из записной книжки священника Аркадия Гаряева).

«Когда читаешь нынешнюю «свободную» литературу, свободную лишь тем, что господа писатели могут беспрепятственно обливать грязью головы людей, не умеющих защитить себя, - возмущаешься до глубины души; но когда слышишь, что люди слово в слово повторяют эти грязные обвинения, применяют их к жизни и тем беззащитным своим собратьям, на которых им указали другие, то на душе становится так невесело, так заболит она... Особенно много грязи вылито и продолжает литься на русское духовенство, а за что? Да всё за то, видите ли, что духовенство – де отжило свой век, что оно виновато тем, что не проводит в жизнь социалистических идей, которые якобы первым пропандировал на земле Христос; что оно, духовенство, невежественно, жадно и проч. Обидно и горько...

Но когда слышишь, что тебе в глаза говорят все эти любезности, завидуют твоему положению в том отношении, что ты за каждое «Господи помилуй» пяточек получаешь, то плакать хочется, кричать от обиды незаслуженной! Как достаются пяточки духовенству, - легко или трудно, можно судить из предлагаемого повествования о том, как «поп с дьячком» приобрели свои, всем на зависть, легкие пяточки.

– 23 апреля 1908 года я, священник, со своим псаломщиком, должен быть поехать «с Пасхой» в одну из ближайших деревень своего прихода, отстоящую от приходской церкви за 33 версты зимою, и 47 вёрст весною, так как нужно ехать туда круглым путём.

В 6 часов утра два псаломщика привели ко мне лошадь и оседлали мою, и мы выехали. Целые месяцы, которые мы не ездили верхом, на первых же месяцах дают себя знать, манера посадки потерялась, сидеть неудобно, ноги и спина скоро устали, какая - то тупая боль появилась в них. Погода убийственная дождь сеет как из сита, не переставая ни на минуту, лошади не идут в грязь, которая на лесной тропе им по колени, жмутся к лесу и обливают нас целыми потоками воды, которую стряхивают с деревьев. Холодно, одежда вся «до нитки» промокла, дождь не перестаёт, а обсушиться негде, нужно обязательно проехать 15 вёрст до заброшенной лесной избушки, где у огонька можно хоть обогреться немного и попить чаю.

Сойти с лошади и согреться, идя пешком, нет возможности, рискуешь увязнуть в грязи, сидишь стараясь не шевелиться, чтобы не расшевелить затекших спины и ног. Часа через четыре видим желанную избушку, с охами и ахами кое - как сваливаемся с лошадей, долго сидим около лошадей, как правоверные на молитве, не имея возможности выпрямить затекшие ноги... Наконец, немного справляемся, привязываем лошадей и идем в «юрту», но там тоже неутешительно, отовсюду сквозь крышу течет вода, мокро и грязно, обсушиться невозможно. Кое как на земляном полу юрты разводим огонь и кипящий чай. Место открытое, ветер холодный, пронизывающий, рвет и мечет, внизу под избушкой ревет и бесится река Вагран, лошади дрожат какой – то нездоровой дрожью, сердце болит за бедных, но желание согреться самим делает нас безжалостными. Наконец чай готов, - он грязного цвета, скорее похож на кофе – по своему цвету, но мы пьем, обжигаясь, и наспех закусывая размокшим от дождя хлебом. Нужно ехать, торопимся, поправляем седловку, увязываем торока, садимся... и через две версты опять дрожим и ждемся, стараясь, как можно больше, втянуть в себя шею, в надежде хотя этим согреться, но и это напрасно...

Лес глухой, неприветливый, дикий, дорога незнакомая, едем наугад, отдавшись на полную волю лошадей, никто бы не хотел узнать в нас служителей церкви; в этих грязных, размокших фигурах, скорченных холодом и сыростью, в местных «гунях» (азям), в броднях, (род сапогов) с традиционными котелками за поясами, скорее можно принять нас за тех зырян – дроворубов, которые переходят из куреня в курень, и только лошади, на которых мы сидели, могли несколько наводить встречного на мысль о нашем более привелегированном положении в жизни, так как зыряне этой роскошью не обладают. Но встречных нет, дико и глухо вокруг, разве где пискнет рябчик и заставит моего

спутника ухватиться за ружье, напомнив ему, что бесполезно было бы и победать, но так как «обед» тоже забнет, то и не подает больше о себе вести, и сидит, насупившись где ни будь около нас в густой ели... Опять пошли открытые места – курени, ещё холоднее стало, и лошади пошли осторожнее, выбирая из массы тропинок ту, которая им кажется более верной, ведущей к жилью, и мы не мешали им в этом.

Но вот и жилье, - жилища казарма зырян – дроворубов, перед ней «козлы», на некоторых дымятся паром дымные, походные котелки с горячим варевом. Владельцы их сидят под навесом у костра в ожидании, когда поспеет кушанье; чувствуется зависть к ним, что они сухи и греются, хочется слезть с лошади и посидеть, поговорить с ними, но необходимость гонит вперед. Мой спутник – С – й Н – чь говорит с ними по зырянски, очевидно спрашивает дорогу для перевоза через реку, слушаю их непонятный для меня разговор и чувствую, что не хочется моему спутнику ехать дальше, слишком уж он откровенно поглядывает на котелки с кушаньем. Но заплатить у нас за обед нечем, а есть из милости стыдно. Двигаемся дальше, и слышу я за собой слово «поп», сопровождаемое зырянскими фразами, спрашиваю их значение у спутника. Говорит, что удивляются зыряне что мы собираемся путешествовать в такую адскую погоду.

Но нахожу, что удивляться нечему, так как мы должны были ехать обязательно, иначе нельзя, нельзя так же, как и отдыхать в пути до той поры, пока доедем до места. В разговорах недосмотрели поворота тропинки и уехали совершенно в обратную сторону. Часа полтора проплутали мы по лесу, думая разобраться в этом лабиринте троп, но тщетно: чувствую, что лошадь уже тяжело идет и сам готов упасть с седла, так устал, но стыдно показать свое малодушие, молчу и думаю, что наверно мой спутник клянет меня за эту поездку, и к чувству физической усталости незаметно присоединяется чувство сожаления о домашнем тепле и покое.

Хочу высказать решение воротиться к казарме зырян и переночевать там, но лошадь вдруг делает неожиданный поворот в сторону и идет быстрее, понимаю, что она почуяла жилье и подчиняюсь ей. Через десять минут видим домик перевозчика, реку, которая ревет и стонет и пенится, как бы радуясь свободе своей от оков зимы – льда, остатки которого несет она в диких волнах, крутит, вертит ими и бьет их мощной силой своего неудержимого стремления. Дикая, но прекрасная картина, захватывает она меня всего, хочется быть таким же, мощным, сильным, и чувствую я, как прибавляется во мне решимости, и нет уже сожаления о покое и тепле...

Кто видал горные реки, тот поймет мое восхищение.

Немного обогрелись у камина, выпив по стакану чая у хозяина, переобувшись, чтобы хотя ноги наши не так болели и ныли, отправляемся снова в путь. Пока сидели в избушке дождь успел превратиться в снег, хлопья которого как бешенные, подгоняемые ветром, кружились в воздухе, прилипали к мокрой одежде, слепили глаза, лезли в уши, и совершенно уничтожили перспективу, по которой мы все же более уверенно ориентировались. Но делать нечего, нужно ехать, дотянуть остальные 17 верст. Расседываем лошадей, двое зырян садятся в лодку, берут повод одной лошади к себе и отправляются. Моя лошадь стоит в нерешительности на берегу и дрожит мелкой, зыбкой дрожью; жаль ее бедную, но понукаю ее, и она кидается в ледяную воду, и я вижу как все в реке: и лодка и лошадь и люди вертятся, кружатся и увлекаются с адской стремительной скоростью вниз по реке. Сажены на сто ниже уже достигают они противоположного берега. Возвращается один зырянин, берет в лодку нас, седла и багаж и мы сами исчезаем во мгле и снеге, несемся и кружимся вместе со своей душегубкой.

Выходим на берег, скорее седлаем лошадей, которых бьет от холода немилосердно, и гоним версты две в гору, чтобы согреть их. В скачке не замечаем, что одежда наша застыла и нещадно холодит тело. Опять пошла узкая тропа, снег валится всё так же, темнеет, и с темнотой опять тоска и усталость завладевают нами. Едем молча, думая свои невеселые думы, хочется спать, какое то безразличие ко всему овладело, и осталось только одно животное скорее ощущение холода и усталости. Темно, хотя глаз выколи, дороги не видать, но уже не сомневаемся, что лошади могут сбиться, так как мы сроднились с ними одинаковым болезненным желанием отдыха и тепла. Изредка соскакиваешь с седла и бежишь впереди лошади, но жилы в ногах до того натружены, что бежать больно, садишься, и опять холод. За версту перед деревней нас вдруг остановила речка, которая от сильного дождя поднялась и разбросала мост. Бывалая лошадь спутника захотела взять препятствие, не дожидаясь понукания кинулась в воду, и мой спутник от неожиданности прыжка, выбитый из седла, выкупался в ледяной воде. Я усидел на своей лошади, но чувство, которое овладело мной после этого случая с С – м Н – м, было до того тягостно, что я был более доволен, если бы выкупался сам. Кое как влез мой несчастный С – й Н – ч в седло, и мы понеслись. Это была бешеная скачка, и долго мне не забыть ее, не забыть потому, что смерть я увидел тогда перед собою, неприкрытую, голую, ужасную, и увидел ради тех «пятячков», которыми, как позорным клеймом, не стеснялись пятнать меня и всех моих собратий досужие, сытые люди. Скажите мне, люди добрые, неужели так сильны «пятячки»!²⁸

16 сентября 1908 года село Петропавловское впервые за своё Архипастырское служение посетил Преосвященный Епископ

Екатеринбургский и Ирбитский **Владимир**²⁹ (**Соколовский**),³⁰ отец **Аркадий** так описал приезд Преосвященного:

Поездка Его Преосвященства, Преосвященнейшего Владимира, Епископа Екатеринбургского и Ирбитского, на Север Епархии в 1908 году.

«На долю далеких северных церквей, клира и народа в 1908 году выпало счастье видеть у себя своего Архипастыря. Как абориген Края, должен сказать, что поездка Его Преосвященства сюда, была с его стороны великим подвигом, на который могла подвигнуть его лишь его беззаветная, великая любовь к своей пастве, и непрестанное памятование заповеди Христа «о малых сих», к которым смело можем быть отнесены мы, забытые, заброшенные среди северных гор, лесов и холода, насельников этого Края.

16 Сентября т. г. в 6 часов вечера торжественный колокольный звон известил жителей села Петропавловского Верхотурского уезда о прибытии сюда Его Преосвященства, Преосвященнейшего Владимира.

Прибыв в это село, Преосвященный, так сказать, переступил черту севера. Далее на предстоящем Владыке пути лежали лишь ещё два селения, а за ними уже начинаются тундры и леса, население которых составляют лишь дикие звери, да полудикое племя кочующих вогул. Говоря о поездке на север Его Преосвященства не могу, чтобы несколько не остановится на описании окрестностей и храма села Петропавловского, этой колыбели горного дела на севере.

Село Петропавловское находится между 60 и 61 градус, северной широты и 29 – 30 град. южной долготы, при слиянии двух горных рек Ваграны (притока Сосьвы) и Колонги. Со всех сторон село это окружено горами и мало ещё тронутыми хвойными лесами. В ясную погоду отсюда видны во всей своей дикой красоте высокие точки северного Урала, - Денежкин камень, Золотой, Кумба и целые гряды других.

Настоящий храм в с. Петропавловском выстроен тицианием Верхотурского купца и

заводчика Максима Походяшина. Храм большой, каменный, двух - этажный начат постройкою в 1767 году. Бедный в отношении денежных средств по причине малочисленности (около 700 душ обоего пола) прихода, разбросанного при том же, на сотни верст, храм этот богат своей стариной. Утварь его, живопись, иконостасы, пережили почти 1,5 столетия; особенно привлекает внимание

посетителей живопись в верхнем храме, принадлежащая кисти, как говорят, какого то, в то время известного мастера. К сожалению, эта живопись мало религиозна, а потому и странна для настоящего времени, когда уже известный образ православной церковной живописи получил свою определённую форму и санкцию. Иконостасы редкого в церквях стиля «рококо».

«За всё время более чем столетнего существования Петропавловский храм лишь второй раз видит в своих стенах своего святителя. Первым из Епископов, посетивших северные церкви, был блаженной памяти Преосвященный Нафанаил, который совершил первое служение Архиерейское в этом крае и храме в 1887 году. Ныне, через 20 – летний промежуток, на долю нас грешных выпало великое счастье приветствовать и принимать у себя редкого гостя – Архипастыря, в лице Преосвященнейшего Владимира.

*Североуральск (с. Петропавловское).
Храм Петра и Павла.*

В Петропавловское село Владыка прибыл из села Турьинские рудники со свитою и частью пестчих по узкоколейной железной дороге Богословского округа на экстренном поезде, а дорогу от вокзала, 7 вёрст совершил на лошадях. Северная природа встретила своих редких гостей неприветливо – дождем и холодом.

На паперти храма Его Преосвященство был встречен собором всех северных священников, (3 – 4) местного, Всеволодо – Благодатского и Никито – Ивдельского. В храме его Преосвященством, в сослужении о. Благодичного 5 Верхотурского округа, протоиерея Слоцова и вышеозначенных священников, при пении Владычного хора – была совершена вечерня, по окончании которой он беседовал с народом, собравшимся его приветствовать.

Но горька была речь владыки для предстоящих; в ней обличал он властным и грозным словом на внимание прихожан к своему прекрасному храму и к общественному богослужению, их беспробудное пьянство, их нравственную приисковую распущенность. Много горьких истин пришлось выслушать обитателям севера от своего Архипастыря и в остальных двух приходах.

Окончив беседу, Его Преосвященство пешком, при свете фонарей, под холодным дождём проследовал из церкви в квартиру священника, где переночевал, 17 сентября в 7 часов утра отбыл один, в сопровождении местного Благодичного протоиерея Слоцова далее за 42 версты на север в село Всеволодо – Благодатское. Там Владыка обозревал церковь, испытывал знание учащихся церковно – приходской школы, преподал Архипастырское назидание собравшемуся народу и посетил и откушал хлеба – соли у местного священника.

Около двух часов дня 17 – 20 же сентября Преосвященный отбыл далее ещё на 38 вёрст для обозрения самой далёкой на севере церкви Никито – Ивдельской. Переночевав там, в 3 часа дня 18 сентября Владыка прибыл уже обратно в село Петропавловское, совершив, не выходя из экипажа, 80 вёрст. Пробыв до 10 часов вечера в доме священника с поданным к тому времени экстренным поездом, Его Преосвященство отбыл в Надежденский завод (ныне город Серов) и далее по железной дороге для обозрения церквей Екатеринбургского и Камышловского уездов».³¹

В селе Петро – Павловском отец **Аркадий** прослужил два года.

21 декабря 1910 года из Екатеринбургской Духовной Консистории пришел приказ о переводе отца **Аркадия** на должность священника Походной церкви.³²

Походный штат особенность Богословского округа, лет 20 тому назад Благодичный 5 округа, Верхотурского уезда донес Епархиальному начальству о крайней необходимости для округа, занимающего пространство в 30 тысяч квадратных верст, иметь разъездной походный причт, который бы помогал местному духовенству духовно окормлять разбросанное по рудникам и приискам население края. В донесении указывалось. Что рабочие приисков. Живя вдали от храмов Божиих, лишены возможности удовлетворять религиозные потребности. Остаются без пастырского надзора, по целым годам не слыша слова Божия.

Указывалось также и на то, что приходские храмы в округе отстоят друг от друга на 50 и более верст, и потому в случае болезни священника или отсутствия его из прихода, командировать туда входящих священников весьма затруднительно, тем более, что большинство приходов, одно – штатные.

Епархиальное начальство, идя на встречу, назревшей потребности, возбудило ходатайство перед св. Синодом об открытии походного штата на севере Верхотурского края. Ходатайство это увенчалось успехом. На содержание Походного штата из священника и псаломщика были отпущены средства – 1600 руб., местный комитет Православного Миссионерского общества соорудил Походный храм. Который был передал в распоряжение походного причта с тем, чтобы причт, совершая разъезды по северу Верхотурского уезда. Не оставлял без своего попечения тот десяток вогульских юрт, какой еще сохранился на Лозье.

За 20 лет много пережил этот Походный причт, менялись за это время не раз Архипастыри, менялись и требования. В разное время предъявлявшиеся к причту походного храма. То от него требовали, чтобы он помогал приходским священникам, переезжая из прихода в приход, то, чтобы жил безотлучно где – то на перекрестке дорожек, по которым иногда зимою проезжают на своих оленях вогулы, и чуть ли даже на предполагалось, чтобы этот священник учил вогул занятию огородничеством. Где - то в ста верстах севернее Никито – Ивделя и теперь гниют срубы для этой фермы, вздвигнутые на средства Комитета.

Лет десять тому назад Комитет снаряжал экспедицию для розысков начатых построек, но о судьбе этой экспедиции известно только то, что командированный для этой цели вместо поселка за Ивделем оказался в Казани в Духовной Академии.³³

Новый год.

*Новый год. Мысли бьются толпою
В голове и желаний неясных полна
Замирает душа: там – в грядущем покоя,
Светы жадно так хочет она.*

*Но темно там и холодом веет.
Неизвестность пугает, молчит
Так зловеще ... Душа леденеет
И в испуге и страхе дрожит.*

*Рвется взор к пережитому, светлому;
Но его уже нет, - не вернуть
Даже горя и слез
..... Неизвестному
Нужно ввериться, перешагнуть*

*Ту черту, что от света прошедшего
Отделила грядущего тьму, -
И идти и узнать неизвестное,
Пережить, полюбить. Лишь тому,*

*Кто идет безбоязненно смело
В жизнь, не страшна грядущего тьма,
Пока живы в душе его вера,
И любовь, и надежда . . . Страшна*

*Даль грядущего тем, кто не верит
Что за тьмой – там и свет и тепло,
Что там Бог – наш Отец - ярко светит
Всем звездой путеводной . . . Темно*

*Пусть вокруг . . . Но пока не угасла
Вера в сердце – нет страха. Грозят
Пусть несчастья, могила,- Напрасны
Их угрозы . . . нет им не отнять*

*У людей идеала без смерти,
Что манит их, ведет за собой
Среди тьмы непроглядной безверья,
Среди стонов, среди трупов . . . Толпой*

Убегают сомненья . . . Спокойно

*Стало так на душе, и полна
Веры, мира, любви и покоя
В тьму грядущего смотрит она.*

Священникъ Арк. Горяевъ.³⁴

Вступив в должность походного священника 18 января 1910 года, а 25 того же января совершил своё первое служение в новой должности в походном храме, установленном мною в часовне деревни Денежкиной, на реке Сосьве, по случаю праздника в честь находящейся в этой часовне чтимой иконы Богоматери «Утоли моя Печали».

«Деревня эта принадлежит к приходу церкви села Петропавловского. В этом приходе я числился за отсутствием местного священника, по распоряжению О. Благочинного, протоиерея Слоцова, входящим священником, и таким образом все поездки мои, носящие миссионерский характер, тесно связаны с обслуживанием религиозных нужд и этого, самого обширного по пространству, северного прихода Екатеринбургской епархии, и не могут быть обособлены. Большая часть населения этого прихода на реке Лозьве лишь недавно считалась ещё в ведении комитета, и здесь с целью православной миссии в деревнях Лаче и Митяевой имелись миссионерские школы, оказавшие громадную услугу делу просвещения инородческого вогульского населения, ныне уже обрусевшего и переведённого правительством на положение государственных крестьян, хотя в отдалённых деревнях этот край и сохраняет ещё свой природный язык, а так же, к сожалению и многие суеверия, остатки прежнего язычества.

В день своего первого служения в походной церкви, 25 – го января, мною была исполнена первая треба по должности походного священника, – это повенчание брака ясачного вогула Федора Тишкина из аула Сидней Туринского уезда, Тобольской губернии, уже давно (более 6 лет) забытого в отношении личного посещения его местным священником за дальностью его расстояния от прихода и малочисленностью населения.

Со 2 – го по 7 – е февраля предпринята была и совершена мною поездка до села Никито – Ивдельского для свидания с местным священником Иоанном Порошиным по некоторым вопросам ведения миссии среди инородцев севера Епархии, а так же и с целью посетить некоторых из них более близко имеющих свои зимние квартиры – юрты.

Священника И. Порошина я застал только что возвратившимся из 7 – ми дневной поездки к инородцам, и это путешествие на время исключило для меня целесообразность новой поездки по тем же самым юртам, а посетить более отдаленные для меня уже возможность была потеряна за быстрым таянием снега, которое рано создало так называемый «чарым» (наст), когда снег, подтаивая от солнца, затвердевает под влиянием холодного ветра и не проступается под лыжами охотника и собакою, – время самое удобное для охоты за лосем, (местное – зверь, вогульское Сорп – уй) столь необходимым для существования инородца.

Эта поездка дала мне много ценных для будущего дела познаний относительно образа жизни, обычаев и нравов инородцев, а так же их религиозных верований, ибо священнику И. Порошину пришлось делиться со мною свежими впечатлениями только что совершенного путешествия.

Из села Никито – Ивделя я выехал прямым путем через Северо – Благодатский приход по рекам Лозьве и Понилу с целью посетить переселенческий поселок вологодских зырян и паул (поселок в 5 – 6 домов) Ясачных вогул Синдей, а так же попутно совершить служения и требоисправления по деревням Петропавловского прихода.

9 и 10 февраля я пробыл в названом выше поселке переселенцев зырян на реке Понил, где в домах по просьбе их обитателей мною были отслужены водосвятные молебны, и напутствована была большая Неонила Ширяева, при мне и скончавшаяся.

Распорядившись приготовить могилу для погребения умершей на кладбище самой близкой к поселку деревни Петропавловского прихода – Митяевой, а равно и перевезти туда усопшую для отпевания в часовню, сам я через деревни того – же прихода Арию и Горную выбыл в паул Синдей, где и пробыл вечер 11 февраля, служил молебны в домах и напутствовал больную.

В пауле Сидней 5 домов. Жители, - мужская половина, - типичные инородцы вогулы, не забывшие своего родного языка, хотя и говорят сносно по-русски; живут оседло – занимаясь скотоводством и сенокосением. Но главное их занятие всё – же составляют охота и рыболовство. Скотоводство же и сенокосение, - как и некоторые зачатки земледелия, - не особенно давнего происхождения и обязаны своим происхождением женской половине паула, - чисто русской, крестьянской. Эта часть населения паула заселённая сюда из сёл Тобольской губернии, где чаще церкви по селениям, особенно скорбит о том, что здесь им не приходится годами молиться в храме, говеть и причащать своих детей. По просьбе их, я многих из них исповедал, а детей приобщил запасными дарами (нет сил отказать в этом глубоко верующим матерям) и для успокоения совести прочёл молитвы, в 40 – й день читаемые родившим женам, хотя дети некоторых из них уже лично со мною беседовали, интересуясь невиданными ими необычными одеждами священника. Принужденный поспешать к погребению

умершей в зырянском посёлке Неонила Ширяевой, я в ночь на 12 февраля должен был выехать в деревню митяеву, куда к вечеру 12 – го числа прибыл и совершил погребение.

С 15 февраля по 7 – е марта я служил в селе Петропавловском и в деревнях ему принадлежавших Мостовской и Воскресенской, и с 7 лишь марта мог опять на 2 недели (должен был служить в селе Петропавловском для говеющих на 4 – й седмице Великого Поста) выехать снова в Никито – Ивдель, куда около этого времени съезжаются инородцы за покупку хлеба по последнему пути, чтобы заставить там их и нужных мне оленей для поездки на Север.

Я застал там несколько нарт, но олени загнанные зимою, оказались настолько изнуренными, что ехать на них было бы лишь напрасной потерей времени, и я решил ехать, сколько возможно, на лошади, пользуясь настом и оленьими дорогами, взяв с собою проводника – переводчика.

На лошади не без некоторых затруднений я мог проникнуть на север лишь на 120 вёрст от села Никито – Ивделя до посёлка Люльинского (речка Люля) или «Бурманово», последнего оседло – населённого пункта севера епархии, обитатели которого – выходцы выходцы из Печёрского края – поморского толка сектанты. По пути я посетил одну юрту остяка Нерина, старика 110 лет, живущего с двумя сыновьями и внучатами, и самого кажется бедного из инородцев.

Старик может объясняться по русски, и я беседовал с ним о верованиях вообще инородцев и лично его. Из ответов его я вывел горькое заключение, что тьма ещё царит в душах инородцев, - и мало там света, - лишь проблески малые, - вспыхивающие при напоминании о Боге, Христе, Николе (Чуд. Мирл.) и гаснущие тот час же под влиянием крепко держащего их в своей власти шаманизма. Старик сам всё же более или менее истинно верующий, но остальные члены семьи, видимо, очень все ещё мнутя в душе, не зная кто сильнее, Христос, или злой дух Шайтан, священник – служитель первого, - или шаман – служитель второго. Старику (он был болен) имеющему понятие о таинстве святого причащения, так как «емае патька Апанасей», (хороший батюшка) очевидно, живший в 70 – х годах в Н. Ивделе иерей Афанасий Поздняков, давал причастия, - я посоветовал поговорить, объяснил, в чём заключается говение, и пообещал дать ему, как и «патья Апанасей» Причастия. Нужно отдать справедливость, он добросовестно и с усердием исполнил взятое на себя обязательство и на обратном пути, чистосердечно принеся покаяние Господу Богу, сподобился Святых Таин.

В деревне Бурмантовой многих из сектантов я посетил лично в домах их, беседовал с ними о вере их, их религиозных воззрениях, и убедился из ответов, что из присущих этому толку особенностей верования у этих, заброшенных в глубь севера, людей остались лишь чисто внешние, в роде неупотребления чая, брезгливости к православным и проч., и именно теперь среди них миссия православия была бы наиболее плодотворна и возделенна, тем более, что некоторые из них, присоединенные к православию по нужде – при вступлении в брак с православными, лишены совершенно нужного им пастырского руководительства, и лишь по имени своему православные, а на деле все те же заблудшие в дебрях невежественного фанатизма овцы Христовой Церкви.

В ½ версте от поселка бывшим походным священником Петром Маминым за счет Миссионерского Комитета лет 6 тому назад была отстроена часовня, но, не освященная своевременно и заброшенная, она теперь занята бездомным бродягою, когда то положившем основание поселку, Никитой Бурмантовым, и обращена в притон пьянства для инородцев. Начатое хорошее дело обратилось во зло, в профакацию святыни, благодаря небрежению. Необходимо испрочить это зло, тем более, что миссионерское назначение и цель этого начинания священника Мамина были вполне сознательны, признаны со стороны Миссионерского Комитета, санкционированы им и материально во время поддержаны.

Из деревни Бурмантовой через Никито – Ивдель мною снова был совершен объезд деревень на реке Лозьве с остановкою в селении Лача, где я служил в храме для говеющих, и к 25 марта лишь возвратился я в село Петропавловское.

К 4 апреля по вызову Всеволодо – Благодатского священника Василия Порошина верхом, вследствие бездорожницы, я спешно должен был прибыть в названное село, так как была возможность поездки на оленях к Денежкиному камню (самая высокая точка Северного Урала), на речку Еловую, в юрту самоедов. К сожалению малльчики – самоеды, подавая мне оленей, растеряли их на кормежке и мой выезд за 42 версты оказался безрезультатным. Чтобы не терять времени на обратную поездку, я снова выбыл прямым путем верхом на лошади в деревню Лачу, где и служил в церкви 6 – ю седмицу Великого поста.

Страстная седмица и 4 первых дня святой пасхи проведены мною в селе Петропавловском, а с 22 апреля по 25 служил я в походном храме в деревне Денежкиной, куда не без некоторых затруднений, вследствие весеннего разлива рек, я постарался проникнуть верхом, а частью и пешком. С 4 по 17 мая мною снова был совершен объезд деревень по реке Лозьве, а так же навещён и переселенческий поселок Зырян по реке Понилу, где крещен мною младенец.

Во всех поездках и трудах сопутствовал мне псаломщик походной церкви Сергей Филицын. Всего нами совершено за 4 месяца на санях, верхом, в лодках и другим образом до пешего хождения включительно – 1853 версты, и затрачено на дорогу, (наем проводников, переводчика, прогоны), не считая трудов собственной моей лошади, более 40 рублей»³⁵

*В глубь той далёкой, угрюмой страны
Он поспешил удалиться,
Чтобы даром, коему нет и цены,
С возулами там поделится...*

*И проповедь Божьего слова в лесах
Широкой рекой прокатилась-
И боги возулов сгорели в кострах,
И вера в Христа утвердилась...*

Священник Арк. Гаряев³⁶.

Извлечение из отчета

Иностранческого миссионера священника Аркадия Гаряева за 1910 год.

«Имею честь почтительнейше доложить Епархиальному Миссионерскому Комитету отчет о деятельности своей в должности иностранческого миссионера и походного священника северной части Верхотурского уезда с 23 декабря 1910 года по нижеописанное число сего года, - всего за время два месяца. К утру 23 декабря истекшего года я возвратился в село Никито – Ивдель из поездки в епархию, где 13 числа был сделан мною в собрании Комитета личный отчет о настоящем состоянии иностранческой миссии на севере и ее нуждах, а так же принята вновь сооруженная на средства комитета церковь – палатка. В виду того, что в тот же день почтою мною было получено распоряжение местного о. Благодичного от 20 Декабря за № 844 – м об выполнении мною Указа Екатеринбургской Духовной Консистории, (от Ноября месяца за № 14595) предписывающего походному причту с походною церковью обслуживать религиозные нужды населения удаленных от прихода деревень Петропавловского прихода Митяевой и Денежкиной в великие годовые праздники и Великий пост, я с причтом 24 же декабря выехал в деревню Митяеву за 80 верст от Никито – Ивделя. В этот день я имел возможность доехать лишь к ночи до деревни того – же прихода Лача, где имеется приписная к приходу церковь, и там в день Рождества Христова 25 декабря я и совершил богослужение ибо не счел себя в праве проехать мимо церкви в такой Великий Праздник. За литургией приобщил я Святых Таин младенцев, а по окончании ее окрестил слаборожденного младенца. В тот же день я выехал далее за 16 верст в деревню Митяеву, где установил в часовне походную церковь и 26 Декабря отслужил бдение и Литургию и приобщил младенцев. Через 6 – 7 лет жителям этих деревень лишь выпало счастье участия в церковном богослужении в настоящий Праздник, и те от чистого сердца «спасибо», которые я от всех слышал себе, сторицею вознаградили меня за труды поездки сюда, и эти простые «спасибо за наставление» я вместе с своей глубокой благодарностью и приношу Комитету за заботы Его о нуждах походного дела иностранческой миссии на севере.

В дер. Денежкину, отстоящую от деревни Митяево на 46 верст в сторону, я уже не имел возможность проехать, так как 27 декабря должен был обязательно поспешить в Никито – Ивдель, где меня уже ожидал оленщик с оленями, заранее мною договоренный для выезда в этот день в село Няксимвол Тобольской епархии, куда мне с этого дня епархиальным начальством был дан отпуск. Лишь утром 27 декабря приехал в Никито – Ивдель, где среди сборов в далекий путь в этот день мне пришлось часть времени уделить на прием нескольких иностранцев у себя в квартире, и вечером уже перед выездом побеседовать с ними на собрании их в конторе купцов – бр. Роголевых, гдѣ воспользовался случаем разъяснить им силу и значение общественной церковной молитвы Богу по аналогии с собранием, которым они чествовали свой общий съезд здесь и свидание между собою. Лишь около полночи мне пришлось тронуться в путь.

До села Няксимвол от Никито – Ивделя около (...- неразб.) верст, и доехал я туда лишь к ночи на 31 декабря ехать приходилось день и ночь с небольшими остановками на 3 – 4 часа в лесу для кормежки оленей. Хотя я мог воспользоваться гостеприимством местного священника, я нашел более целесообразным взять платную квартиру местного торгующего, где я все время имел возможность хотя и претерпевая всякие неудобства, но быть среди иностранцев, совершающих куплю и продажу, и таким образом присматриваться к ним подряд несколько дней и слышать постоянно их разговор и беседовать с ними сам под руководством прекрасно знающего их язык хозяина, и мне в отношении пользы, которую я извлек из этого для себя и дела, которому служу, не пришлось потом в этом решении раскаиваться.

31 Декабря я посетил местного священника о. Алексия Охранова, сообщил ему о цели своего приезда, которого он, оказалось, ожидал, наслышанный о моих (...рах) сюда от иностранцев моего прихода. К вечеру этого дня сюда прибыл для ревизии из гор. Б. ерезова Благодичный, священник Иаков Иванов, и все мы в (... аго) 1911 года, в местном храме совместно помолвившись, приступили к обсуждению вопроса о правах моих на миссию среди возул и остяков, кочующих на севере Верхотурского уезда по реке Лозьве, но по какому-то недоразумению числящихся в приходах двух церквей данных епархий. Как о. Благодичный, так и о. Охранов подобно мне по служению в сих краях

оказались новичками, пришлось обратиться к географической карте для выяснения границ епархий (копия этой карты при сем прилагается), а затем уже в виду заявленного неведения о деле – о. Охранова, мне пришлось для выяснения моих прав на миссию среди Лозьвинских инородцев просить о. Благодичного Иванова о том чтобы мне была возможность разъяснить этот вопрос документально по Архиву Няксимвольской церкви, сто и было мне предоставлено. В архиве я нашел и скопировал все касающиеся дела Лозьвинских инородцев, юрт Искар(...), документы по перечислению их из ведения Тобольской епархии в приход Никито – Ивдельский как – то: приговор их о желании их перечислиться в ведение Екатеринбургской епархии от 2 января 1903 года и предписание Благодичного церковью Березовского округа Протоиерея М. Смышляевского от 21 сентября 1903 года за № 522 об исполнении Няксимвольским причтом вормальностей по делу перечисления Лозьвинских вогул в приход Никито – Ивдельский, во исполнение приказа Тобольской Консистории от 28 августа того же года за № 11574 – м, а так же всю переписку гражданских учебных заведений по этому делу с няксимвольским причтом и между собою, - Березовского Полицейского управления и Сосвинской инородной управы. Копии всех этих документов засвидетельствованы Благодичным о. Ивановым и хранятся у меня. Относительно общего нашего с от. Охранковым дела миссии среди инородцев севера, в видах тех, чтобы они всегда имели над собой опеку пастырскую, мы обоюдно решили в деле этом носить тяготы друг друга, не разделяя наставляя, просвещая и руководить их в жизни, преследуя строго их разделения по губерниям, а кому из нас двоих представится к тому более удобное время и случай, так как все инородцы в сущности одна семья и интересы их, быт верования и нравы одни, как едино и Святое учение Христово, которое среди них оба мы проповедуем.

Причина разделения инородцев между двумя приходами разных епархий, как видно из их приговора от 2 января 1903 года, зиждется, кроме более близкого расположения мест их кочевий к Никито – Ивделю, еще и на почве чисто экономической, именно, чтобы не вносить им Лозьвинским инородцам годовой платы на поддержание в материальном отношении Няксимвольского храма, в котором они могут бывать и молиться лишь один раз в году при сдаче ясака, а потому я и прошу покорнейше Комитет их разрешить мне, на основании имеющихся в моем распоряжении данных, ходатайствовать перед надлежащим духовным и гражданским начальством Тобольской губернии еще раз о сложении с Лозьвинских инородцев этой повинности, через посредство безусловно Екатеринбургской консистории.

Льгота эта дает: Лозьвинским инородцам лишнее доказательство благопопечительности относительно их Екатеринбургского Миссионерского Комитета, а миссионеру Епархии лишний шанс к упрочению своего влияния и популярности среди них что послужит лишь к пользе для них самих; а то, что они видели, надеюсь, будут видеть впредь «на ясаке» обоим миссионеров Тобольского и Екатеринбургского, будет служить им успокаивающим средством, что они, религиозно зависимые от Духовного Начальства Пермской губернии, не теряют от этого связи со своими единоплеменниками в отношении платы ясака там где совершали это деды и отцы их, традиции которых ещё долго не утратят для них своей обязательности. Ввиду вышеописанного братского соглашения нашего с о. Алексеем Охрановым на обратном пути своем в с. Няксимвол, начавшемся 6 Января, я, познакомившись в этом селе со всеми почти инородцами прихода, благодаря выбранной квартире, а так же побывав и на собраниях их в «мирколе» (мирская изба) и заручившись приглашениями, постарался побывать у многих из них, как и у части своих, живущих на пути, и всем им, беседуя, старался разъяснить, что я счастлив буду всяким случаем свидания с ними и бесед у себя в Никито – Ивделе, что видимо было очень им приятно и, как будет видно это из дальнейшего, не замедлилось мое желание исполнением.

Икона прп. Аркадия.
пос. Ново-Талица

В местности под названием Иовтымсос мне с 7 по 8 января ночь и весь день по случаю снежной бури пришлось, благословляя эту случайность, провести в юрте в сообществе более чем 20 человек инородцев моего прихода, едущих «с ясака» во главе с таким, за которым крепко держится, конечно от всех почти скрываемая слава шамана, и осведомленный о нем (имя его не привожу здесь) я обратил на него особое свое внимание, отдавая ему некоторое предпочтение перед всеми, как старшему, что видимо польстило его, беседуя старался из его слов, в ответ на вопросы мои «како веруеши?»: о Боге, божией Матери, Св. Угодниках, молитве, - выяснить, действительно ли так силен среди них шаманизм; и я думаю, что правильно относительно я вывел заключение теперь, как и ранее думал и говорил и писал, что лишь остатки его действительно держатся если прочно, то благодаря лишь отдаленности инородцев от более культурных людей, и отсутствию среди них постоянного наблюдения миссионера.

Всего на обратном пути мною посещено 17 юрт (ближе к с. Няксимвол инородцы уже живут поселками в несколько юрт) и к утру 11 января я возвратился в Никито – Ивдель.

От священника о. Алексея Охранова, члена инородческой миссии Св. Гурия Казанского в городе Обдорске (практически это село), я приобрел отчеты означенной миссии за последний годы и книгу ее истории за 50 лет ее действия, ознакомлением с которыми я по приезде и занялся. В дополнение к этим материалам я просил другого члена этой миссии, мирового судью в Обдорске Н. Г. Сосунова, с которым я в с. Няксимвол познакомился, выслать мне в Никито – Ивдель каталог северного села библиотеки миссии, из которого я надеюсь получить сведения о необходимых мне, имеющихся в печати научных трудах об инородцах севера России, их быте, языке и проч., получения которого ожидаю, а затем уже собираюсь вступить в переписку с бывшим до сего года последние 13 лет Настоятелем Обдорской миссии Игуменом Иринархом в надежде, что он не откажет мне в некоторых указаниях по делу и поделится своими практическими знаниями его и своими о нем печатными трудами.

23 января я выехал в дер. Петропавловского прихода Денежкину с Походною церковью, где при моем участии 25 января в день праздника местной часовни приходским священником К. Минервинным была отслужена Литургия, а 26 числа утренняя и Литургия были отслужены походным причтом специально для причащения младенцев в виду тесноты часовни, (в поездке я, походный священник, чествовал и день своего ангела преподобного Аркадия).

Из деревни этой я проехал в село Ивановское, где у местного священника Максимова заручился разрешением совершить бдение и Литургию 30 января в часовне деревни его прихода – Петровой, что и исполнил. За Литургией было очень много молящихся, особенно женщин, принесших к причащению своих детей, и ученики церковно – приходской школы с учительницей. 2-го Февраля (1-го бдение) я служил Литургию в часовне деревни Волчанка (прииск) прихода Турьинских Рудников, так же причастил младенцев, а после Литургии при сборке церкви по просьбе учительницы преподавал ученикам старшего отделения Волчанского земского училища наглядные разъяснения о храме, степенях священства, Таинстве Св. Евхаристии, священнических облачениях, утвари, внутреннем различении различных моментов церковного богослужения, особенно Литургии и Св. Антиминсе и Престоле.

Из деревни Волчанка в виду жесточайших морозов (от 30 до 45 гр.), все время стоявших, что при путешествии на одной своей лошади и с церковью очень затрудняло ход, мне с причта пришлось проехать прямо, никуда более не заезжая (109 верст) обратно в Никито – Ивдель, куда я доехал к 5 февраля. Всего с 24 декабря я сделал проезда до 1135 верст.

В свободные от поездок дни с 11 по 22 Января и с 5 по 23 февраля я занят был приведением в порядок церковного имущества, документов и записей своих по делу и подготовлением настоящего отчета. Часть свободного времени изучается мною на изучение фотографии, каковому делу я надеюсь дать применение с лета сего года по делу миссии и походному, чтобы иллюстрировать свои отчеты снимками, как служу, и делаю это лишь из желания избежать каких бы то ни было сомнений в правдоподобности своих отчетов со стороны Комитета, так как знаю, что очень трудна проверка дела, которое я делаю, даже со стороны Окружного Начальства, и мне не хотелось бы лишиться доверия Комитета, без поддержки которого дело должно погибнуть, тем более, что с первых почти дней своего поступления на должность походного священника и до сегодня мне с горечью приходится наблюдать как «мимопроходящие»³⁷ взирают на дело и и меня «покиваяюще главами». 18 – 19 января и 20 и 21 февраля я принимал у себя на квартире многих из инородцев, - вогул, остяков и архангельских зырян, которые приходили ко мне или просто повидаться, а некоторые по делу, были печорцы – поморцы русские, приехавшие за 300 верст, чтобы посоветоваться о том, как и куда им обращаться за ходатайством о наделе землю, и сколько мог я старался каждого удовлетворить, обласкать и смею думать я, что это направление я избрал вполне правильно, ибо прием, добродушие и ласка лучше мне послужат в деле моем, чем строгость, порицание и осуждение, а тем более брезгливость к внешней нечистоте своих прихожан инородцев.

Подводя в этом отчете итог годовой своей деятельности по должности походного священника, я должен открыто сознаться, что в числе массы ошибок, как новичок дела, я все же кое что успел сделать для того чтобы на следующий год прохождения службы он был для меня менее тернист, и хочется верить, что при поддержке Комитета, я не останюсь на полпути, не опущу рук в бессилии, а напротив выше, смелее над головой своей понесу среди ночи невежества светильник, имя которому Учение Христово, а с ним знание. Главное, что я считаю необходимым направить свое особое старание – это на борьбу с поголовным пьянством инородцев, доводящим их до безумия, - и те меры борьбы с ним которые я сейчас вырабатываю, - имея в виду в то время, чтобы они были тесно связаны и с делом мною Христово Учение среди инородцев я постараюсь уже представить особым докладом Комитету для рассмотрения и дополнения нужными указаниями.

В виду того, что дело с каждым днем, по мере моего ознакомления с ним, выдвигает большие и большие нужды, насущнейшие по своей неотложности, смею предложить Комитету отложить на настоящий год ремонт здания при поселке Бурмантово³⁸, чем достигнется некоторая экономия, (по смете 140 рублей), каковая с большей пользой может быть употреблена на другое, а средства, в количестве 60 рублей, выданные комитетом на лесные материи для ремонта, оставить на

жалование лишь сторожу построек, тем более, что сейчас уже я должен буду, для ремонта лишь этих построек, опустить последнее и самое важное для дела время, которое придется потом мне искренне пожалеть; хотя это только мое личное мнение, в остальном же дело представляется безусловно инициативе Комитета.

Заканчивая настоящий отчет, с приложением особой ведомости произведенных по делу расходов из личных средств, где я не старался вписывать всякую мелочную свою трату, хотя из этих мелочей могло бы составиться и целое, я всепокорнейшее прошу Комитет обратить внимание свое на то, что личные затраты мои в итоге превышают не десятки, а даже и сто рублей, между тем как при превышающей почти городскую, дороговизне жизни в Никито – Ивделе – для меня иногда десять рублей составляют капитал, и я или должен, вынуждено бездействовать, или затрачивать очень значительные свои средства на продолжение дела, что и привело меня сейчас к большой задолженности, каковое обстоятельство меня весьма угнетает. По сему и прошу покорнейшее Комитет не отказать мне в своем внимании к моему положению и, сколько возможно, поддержать меня и дело походное, которому служу, материально – ассигнованием денежной суммы и нравственной благопоспешностью и сочувствием возложенному на меня делу».

*Походной Николаевской церкви
Священник Аркадий Гаряевъ.³⁹*

Служа на должности походного священника, отец **Аркадий** всецело предался возложенному на него делу. Сильно сокрушался отец **Аркадий** встречая неодобрение, непонимание, насмешки, со стороны людей, даже его братьев – сослуживцев. Они не верили ему, считали, что молодой священник, располагая такими большими суммами, которые выделяет ему Миссионерский Комитет, для дела совершения христианской миссии среди вогул, присваивает, если и не все, то хотя – какую-то часть из них себе. Чтобы не потерять расположение своего Епархиального начальства, от которого всецело зависело дело миссии, отец **Аркадий** был вынужден писать подробные отчеты о своей деятельности.

Неся свой нелегкий крест, отец **Аркадий** подчас изнемогал под тяжестью его, но Господь «Оскудевающая Восполняющий и немощная врачующий»⁴⁰, укреплял своего избранника, возводя его «от силы в силу».

Извлечение из отчета

Иностранческого миссионера священника Аркадия Гаряева за 1910 год.

«3 – го числа марта в сопровождении договоренного мною для поездки проводника и помощника по объяснению с инородцами на их диалекте, которым я еще не особенно уверенно владею, обывателя Якова Первушина, я выехал на лошади до первой юрты, где и имел намерение нанять оленей для дальнейшего пути.

При очень трудовой для лошади, оленьей дороге до юрты вогула Василия Феодоровича Бахтиярова пришлось сделать около 90 верст. К ночи 4 – го марта доехал я до этой юрты, откуда лошадь ушла обратно, а я уже выехал на оленях дальше лишь к вечеру 6 – го марта, так как пришлось мне и проводнику ожидать здесь возвращения хозяина юрты с охоты. Две ночи и день, проведенные мною в этой юрте, были не из особенно приятных, так как хозяйка дома больна не особенно чистою болезнью, но все же сколько мог, до приезда, и с приходом из лесу хозяина я старался использовать время на беседы с семейными его и с самим им: о вере в истинного Бога, о святых иконах и побочном еще у вогул божестве Шайтане, по поводу высказанного мне хозяином – его воззрения об аналогичном значении молитвы перед Святыми Иконами и Шайтаном (кукла, сшитая из тряпья и изряженная в цветные лоскутья), так как у их отцов не было икон и у их отцов не было икон и они молились Богу и Святому Николаю, взирая на эти примитивные изображения. Не знаю, упадут ли слова мои на хорошую почву, но я сделал все возможное и зависящее от меня, чтобы расшатать в умах их это ложное религиозное положение инородцев.

Зная слабость хозяина и его матери к вину, до того что они совершенно на время, после усиленного пьянства, делаются безумными, по их выражению «дурят», говорил я с ними о вреде пьянства вообще для всех, и для них в частности, так как для них вино смерть, с чем вполне они согласились; помня недавнее ещё – с ними бывшие припадки безумия, дали обещание воздержания от этого порока, но к сожалению, вероятно, останутся лишь обещаниями и выполнены не будут, и как

мне не горько, но приходится в этом сознаться: слишком зло пустило здесь глубокие корни в почву невежества инородцев.

6 и 7 марта мною посещены еще 5 юрт и 1 чум инородцев – вогулов, у одного из которых Прокопия Бахтиярова отпета мною умершая девочка. Отпетие было совершено на могиле в лесу, и описание обычая хоронить покойных инородцев я думаю будет небезынтересно для Комитета. В землю инородцы своих покойников не зарывают, вероятно потому, что не знают почти потребление лопаты и кирки, а просто ложат покойного прямо на землю, ногами на восход солнца, и над ним возводят сруб в два или три ряда из сырых бревен. В этот сруб складывается имущество покойного, например у этой умершей девочки: все ее платья, белье, малица (шубка), платки, пояски, крестики (главное украшение детей инородцев), нярки (обувь), и все это, у настоящей например покойницы, прикрытое поверх сруба большой ценной шалью, закладывается плотно сверху, как крышкой, такими же сырыми бревнами, чтобы звери не могли разрушить могилу.

После отпетия, – собранным в юрте очень печальным смертью дочери хозяевам и случайно к ним захавшим по пути инородцам, – я постарался преподать некоторые доступные их понятию сведения о загробной жизни людей, рае и аде, о блаженстве праведных и мучениях грешников, о способах достижения будущего блаженства на небе образом земной жизни, о грехе и проч., и в отношении к настоящему случаю смерти младенца, – о неотложном обещании Христовом вечного блаженства младенцам, которые после смерти своей будут на небе молитвенниками перед Богом за своих родителей.

Все, мою сказанное, было совершенно ново для инородцев, так как слушалось ими с большим вниманием, и задавались изредка вопросы о непонятном. Объяснения велись с помощью проводника по-русски и вогульски.

Ночь на 8 марта я провел в юрте вогула Еремея Бахтиярова, где на другой день в ожидании поимки новых оленей для дальнейшего моего следования имел беседу с хозяином юрты и его многочисленным семейством, по вопросу, странному на первый взгляд, как по месту, где он обсуждался, – в глухом лесу, в стенах вонючей, грязной юрты, так и в отношении людей, которыми он был мне поставлен ребром, – грязными, по виду внешнему и по жизни ближе подходящими к лесному зверю, чем к человеку, инородцами, – вопросу об атеизме и его проповедниках.

Нельзя поверить, что волна отрицания Божественного начала мира и жизнью могла докатиться досюда и холодным своим прикосновением заставить полудиких инородцев начать анализировать в себе их простую, детскую веру в Великого Небесного Тарма (Бога), которого они и предки их познали из величия творения Его – сами, непосредственно, непринужденно. Но это так к прискорбию.

Возник этот вопрос попутно, неожиданно для меня, среди беседы моей с хозяином на тему, довольно таки для него щекотливую и неприятную, – о неприкосновенности чуждой собственности, о чем он имел очень своеобразные взгляды, к сожалению его – нетерпимые однако законами общезжития. По поводу некоторых, угрожающих ему взысканий за воровство (пока воровство среди вогул редкость), я говорил ему, что, кроме кары земного закона, человек, не уважающий здесь чуждой собственности, подвергает себя, совершая великий грех – воровство, тяжкой каре угрызений своей совести при жизни, и душу свою губить для жизни вечной после смерти, ибо Бог отвратит Свое лицо от вора. Инородец, сносно объясняющийся по русски, объявил, что Бога, возможно, что и нет; стало быть, с этой стороны, на которую я особенно указываю, он относительно безопасен, а воровать, что посторонние сами не стараются беречь, непредосудительно, – требует меньше труда и лучше обеспечивает. Естественно, что меня поразило это, и первый вопрос, который я задал ему, – это, «Кто мог сказать это»?

- Русский крестьянин, ... (значение: христианин) был ответ.

Но сколько не невежественен этот инородец, однако он быстро сообразил, что сказал не совсем ладное что то, и поспешил оправдываться, говоря, что он лично все же не так глубоко этим положением сочувствует, что в Бога он верит, ибо без Бога жить нельзя, без Бога и его самого не было бы и вообще людей не было бы, а воровать его заставляет плохая «лесня» (охота) и многосемейность.

Много говорил я с ним еще по поводу этих вопросов, просил его бросить все, исправиться, и как на средство заслужить прощение у Бога указал ему на таинство исповеди в грехах своих перед священником и обещании больше не делать дурного, что он делал в жизни, а главное не верить людям, когда они будут говорить что бога нет, – подтвердив ему этого учения всю несостоятельность.

На свежих оленях отсюда я двинулся еще дальше с целью посетить два чума архангельских Зырян, живущих на предгории одной из самых высоких точек северного Урала – «Молебный камень», для чего мне пришлось перевалить вершину горы Велса и благодаря этому вступить на территорию истинного северного Урала, границу уездов Чердынского и Верхотурского. Лишь ночью на 9 марта я доехал до чума зырянина Ивана Онуфриева. Здесь я явился желанным, долгожданным гостем, радостно встречен хозяевами чума, – маститым стариком, его женою и двумя взрослыми женатыми сыновьями, и должен сказать, пребывание у них было для меня истинным отдыхом, так что и уехал я от них потом с обновленным и удвоенным желанием продолжать труд свой, полный неудобств и

лишений, ради лишь тех светлых переживаний о Бозе, какие выпали на мою долю здесь, в холодном, дымном чуме, где от дыма во время богослужения в нем я едва не задохнулся.

В виду страшной снежной бури, разыгравшейся еще на пути к чуму и усилившейся ночью до очень внушительных размеров (очень неприятливо встретил меня северный Урал) мне пришлось следующий день и ночь еще провести в чуме, и я не могу удержаться, злоупотребляя вниманием Комитета, чтобы напередать здесь о проведенном мною среди этих людей времени.

Утром 9 марта проснулся я довольно рано от нестерпимого холода, несмотря на то, что спал я в шубе и под шубным одеялом, но по неопытности без шапки. Все спят. В чуме совершенно темно, лишь в дымовое отверстие чума видно, что скоро рассветает. Долго не могу заснуть, но все же в конце концов забываюсь. Когда проснулся я снова, в чуме уже потеплело, трещат приветливо дрова, разбрасывая искры по всему чуму, и обитатели чума, сидя вокруг огня на низких обрубках дерева, внимательно слушают читаемые стариком по Часослову полунощницу и утреню, что было продолжением отдельной утренней молитвы каждого члена семьи. Тишина в чуме; лишь треск дров. Да неистовый вой ветра вокруг чума, своеобразно аккомпанируют глуховатому низкому голосу чтеца, а дым облаком стоит над этой живой картиной, а когда ветер с силою ворвется в дымовое отверстие чума, начинает дым ходить клубами, попадает мне, еще лежащему, в нос, ест глаза до слез и до кашля саднит в горле, а что все читает, стойчески перенося эту атмосферу, своим глуховатым, может быть от этого самого дыма ставшего глухим, голосом. «Да не падшее и обленившееся, но бодрствующее, и воздвижение в делание обрящемся готови» - читает старик, и хочется, слушая эти слова, действительно быть готовым для дела, ради этого светлого момента забыть все неудобства, лишения и невзгоды и разочарования, естественный еще пока удел службы моей, и делать, делать...

Чум представляет из себя концевобразную палку из сукна. Сверх прикрытого оленьими кожами; внутри посредине на листе железа (чтобы снег, который служит полом чума и достигает здесь на Урале более саженой глубины, не протаивал) целый день продерживался огонь, дым от которого выходит через отверстие сверху чума, никогда незакрываемое, которое во время дня служит окном для света. По наружному виду чум очень похож на дымящийся вулкан в миниатюре, тем более, что снег с него тщательно отряхивается и иллюзия сходства дополняется его грязновато – дымным цветом. Удобств, даже относительных, такое жилище естественно не дает, но для оленевода, меняющего очень часто свое местожительство, сообразно перекочевков оленьих стад, он ничем другим незаменим.

Этот день, начатый мною служением в чуме водосвятного молебна, был проведен мною в беседе с его обитателями. Хозяин – старик бывалый человек и примерный христианин, побывавший два раза в Соловках и безмездный всю жизнь труженик по пастыбе оленей для своей родной обители Ульяновской, поделился со мною своими полувекowymi, основательными сведениями о севере России, получив от меня много интересующих его сведений о св. мощах Угодников Божиих, из которых местонахождение многих ему неизвестно, а так же много рассказов из житий их. Вечером того же дня я посетил второй чум зырянина Иоила Рачева, стоящий недалеко от вышеописанного, где и договорил оленей для поездки на прииски и обратно до Н. Ивделя.

В виду затруднительности везти детей своих для говения в Н. Ивдель, Рачев просил меня дать им возможность исполнить этот долг дома, на что я дал согласие, и, пока едущу на прииски, поручил детям более строгим постом подготовить себя к Свю Причащению, объяснив им всю святость Таинства и ответственность пред Богом недостойно его приемлющих.

10 марта по утру я выехал на прииски, отстоящие от чумов на 30 – 35 верст далее по Уралу. Николаевский – Сибирева и Елизаветинский – арендуемые г. П – вым, как это ни странно, у священника 9документально, прииск принадлежит супруге его). Благодаря вчерашней буре дорога исчезла, и едва до Елизаветинского прииска я мог добраться к вечеру этого дня. Для приискового дела сейчас еще глухая пора, а потому на этом прииске православных людей я нашел лишь арендатора с женою, остальные же татары рабочие. Здесь я провел вечер далеко за полночь в беседе с хозяевами, несчастными в полном смысле людьми, ибо золотой телец отнял от них все: состояние, здоровье, а главное веру в себя, и свои силы, которые бы были ценны в другом месте, а не здесь, среди глухого леса и диких гор в холодной, убогой приисковой казарме. Муж и жена, - оба духовного звания, по родителям дети священников, образованные. (сам по выходе из семинарии учился за границей) имели раньше хорошо обеспеченное служебное помещение, но бросили все и пошли сюда, прельщенные перспективой быстрого обогащения от золотопромышленности не особенно порядочными компаньонами, сбжавшими при первой же неудаче.

Как видно из вышеописанного, походная служба дает мне самые неожиданные положения, - и теперь она из смрадных юрт, из дымного чума и от их обитателей, сразу бросила меня в среду интеллигентных людей, но людей несчастных, бьющихся в безнадежно – безвыходном тупике служения химере. Я попал к ним в подходящий момент, когда их отчаяние в удаче достигло своего апогея, и я не жалею о проведенном здесь времени, т. к. и здесь были тоже духовно слепые, как и мои пасомые – инородцы, - люди, которым необходима посторонняя помощь, чтобы они могли хотя несколько ориентироваться в отыскании выхода на потерянную ими дорогу, ведущую к теплу и уюту

соответственно их положению и знаниям дела из единства, душевного холода и случайностей погони за золотом.

Утром 11 марта я перешел на прииск Сибирева (расстояние между приисками до 3 верст), где еще тоже русских рабочих, сравнительно с татарами, немного. Здесь я задержался недолго для осмотра устроенной здесь часовни, где с походной церковью летом намереваюсь послужить, и крещения младенца, торопясь выехать обратно к чумам, так как с утра заиграла буря, угрожая отрезать мне обратный путь, и в ночь на 12 число я опять возвратился под дымный, холодный, но гостеприимный кров зырянского чума.

По утру в чуме Иоиля Рогачева я отслужил водосвятный молебен, после которого исповедал и причастил запасными дарами детей его, и на свежих оленях, более прямым путем, почти безостановочно в течении более суток, доехал до Никито – Ивделя.

На половине дороги я догнал двух инородцев, остановившихся в лесу для ночлега и кормежки оленей, - того, у которого я, едуци вперед, отпел младенца и другого Петра Ивановича Бахтиярова, и воспользовавшись остановкой своих оленей для некоторого отдыха, еще побеседовал в первом по поводу смерти его младенца, именно по поводу главного того, что этот возул из за умершего младенца, в силу уже отживающих свой век ныне предковских традиций, намерен выйти из только что выстроенной, новой, хорошей юрты, построивши себе другую, что потребует довольно значительных расходов с его стороны и естественно должно подорвать его, еще не так давно наладившееся, относительно, благосостояние. Я испробовал все средства к убеждению его в безумии исполнения этого абсурдного обычая предков, и хотя не уверен в том, что убедил его окончательно, но все же надеюсь, что мое мнение по этому вопросу инородцам будет теперь известно, а этого только и нужно, - gutta cavat lapidem⁴¹...

В мое отсутствие по поездке в Н. Ивдель был привезен для крещения остяцкий младенец из Иовтымсос Няксимвольского прихода; приезжие пользовались за моим отсутствием гостеприимством и хлопотами по делу со стороны моей жены, снабдившей ребенка и крестильной рубашкой; таинства крещения совершено Н. Ивдельским причтом».

Походной Николаевской церкви священник.
Аркадий Гаряев⁴².

Христос.

Вечер. Зной постепенно стихает.
С моря веет прохладой... Идет
Человек, Его взоры блистают
Вдохновеньем, любовью... И ждет

Та толпа, что Его окружает,
Истомленных, несчастных людей
От него утешенья, – и знает:
Он облегчит им бремя скорбей.

Берег моря. На камень высокий
Он садится, как царь, над толпой,
Взглядом скорбным, как море глубоким,
Он обводит вокруг... пред собой

Видит Он истомленных, усталых, –
Видит нищих, убогих людей:
Жаждают ласки, привета сердца их...
И полился поток вдруг речей.

Говорил Он: блажен тот, кто нищим
Перед Богом щитает себя, –
Видит Бог: по заслугам он взыщет,
И воздаст по делам в день суда. –

– Тот – блажен, кто при жизни поплачет, –
– Его Бог сам утешит... и тот,
– Кто земной правды жаждет и алчет:
– Он ее в царстве Божиим найдет. –

– Те, кто чисты душою и сердцем,
– Милосердны и кротки всегда, –
– Они смело пойдут к сердцеведу,

– И награду найдут для себя...
– Вы – блаженны, что с знаменем мира
– И любви смело к людям пошли, –
– Вас сынами своими Царь мира
– Назовет, – детей бедных земли...

Гонят вас – ради Божией правды,
– Не везде она в жизни годна,
– Вы терпите; дней много отрадных
– Даст на небе вам Бог – у себя...

Кончил он... Его взоры блистают
Вдохновенья святого огнем, –
И несчастные люди рыдают...
Солнце блещет прощальным лучем.

Свящ – ник А. Гаряев⁴³.

Собрание Комитета православного миссионерского общества.

«24 сентября в 7 часов вечера в помещении епархиальной библиотеки под председательством товарища председателя протоиерея Леонида Игноратова состоялось собрание Екатеринбургского Комитета Православного Миссионерского общества. Кроме решения текущих дел собранием заслушан отчет за 1912 год. В отчете, между прочим, отмечается по сравнению с предыдущим годом уменьшение денежных поступлений и количества членов. Это печальное для отечественной миссии явление отчет объясняет неурожаем трав и хлебов в 1911 году, сильно подорвавшим экономическое положение крестьян, от последствий какового неурожая крестьяне не успели оправиться до сего времени. Действительно, положение крестьян в течение первых восьми месяцев 1912 года было настолько тяжким, что со стороны уездных земств Красного Креста и правительств оказывалась населению значительная продовольственная помощь. Население страдало от голода. Духовенство в местах, охваченных неурожаем, испытывало также тяжелое положение и вынуждено было пользоваться пособием от Св. Синода и местного Епархиального попечительства о бедных духовного звания, открывшего широкий кредит духовенству из находящихся в его распоряжении сумм. При таких условиях понижение денежных поступлений в кассу Комитета является вполне понятным, но собранием было обращено внимание на то обстоятельство, что по некоторым благочиниям, как напр. 2-му, 4-му и 6-му округу Екатеринбургского уезда, Градо – Шадринскому, 1-му 4-му и единоверческому Шадринского уезда, 1-му 3-му и единоверческому Верхотурского уезда, совершенно нет поступлений членских взносов в виду чего постановлено обратиться к о. о. Благочинным с особым напоминанием о более сочувственном отношении к святому делу православной миссии».⁴⁴

Не получая в своей деятельности никакой поддержки от миссионерского комитета, отец **Аркадий** подает прошение о переводе, и 3 октября 1912 года священник Походной церкви **Аркадий Гаряев** был перемещен к церкви Никито – Ивдельского села, Верхотурского уезда.⁴⁵

После ухода отца **Аркадия** с должности походного священника, миссионерская работа начала стремительно угасать: с 1913 года причт Походной церкви жил почти безвыездно на станции Лобва, где был большой Лесопильный завод с населением более 3 тыс. человек,⁴⁶ а с 1915 года совсем остановилась, поездок к кочующим вогулам уже не делалось, причт походной церкви стал жить

оседло.⁴⁷ Отец **Аркадий** же, не оставлял своих вогул.

Отчёт

Екатеринбургского Комитета Православного Миссионерского Общества за 1913 год. Пастырское попечение комитета о вогулах.

«Ближайшее попечение о вогулах, их просвещении светом Христова учения и удовлетворение их религиозных потребностей, в отчетном году по прежнему находилось на обязанности священника **Аркадия Гаряева**.

*Отец Аркадий Гаряев
в окружении вогул.*

Хотя этот пастырь с октября месяца 1912 года уже не состоял священником походной на севере Верхотурского уезда церкви, на причте которой по преимуществу лежала забота о пастырском попечении над Вогулами, тем не менее продолжал удовлетворять их религиозные потребности и вообще заботится о них. Будучи Священником Никито – Ивдельской церкви, о. **Аркадий Гаряев** не прерывал своих сношений с вогулами, давая им приют у себя в квартире во время приездов их в Никито – Ивдель. Двор о. **Гаряева** в зиму 1913 года часто временно служил местом стоянки вогульских олений, а в месте с тем и аудиторией для бесед с вогулами. О своих пастырских сношениях с вогулами

священник **Гаряев** между прочим рассказывает так.

«Деятельно при приёме и беседах с инородцами мне помогал походный псаломщик Неуймин, который потом, в летние посещения вогулов, был моим неизменным спутником и помощником. С 25 марта до мая месяца приток вогулов в Никито – Ивдель прекратился. В мая и июне месяце я ещё имел три случая видеть вогул и беседовать с ними у себя, а в конце июля и августа имел два случая побывать у некоторых на местах их летних кочевий по реке Лозье. Последний раз я имел случай принимать у себя вогулов при участии псаломщика Неуймина и в сентябре сего года, по приезде своём с торжества освящения соборного храма в Градо – Верхотурском Николаевском монастыре. Был разгар охоты на белку и лося, так как только – что выпал первый снег, и вогулы (из двух юрт) зашли в Никито – Ивдель за возобновлением запасов пороха и дрови.

*Эта последняя моя беседа с ними была особенно оживлена и приятна как для меня так и для них, моих гостей, ибо ещё полный впечатлений от поездки, которая задумана была мной ещё до постройки вышеозначенного соборного храма, счастливый исполнением своего стремления я душевно был рад этим моим собеседникам, которым я мог с пользою для них передать свои впечатления, в связи с жизнеописанием Св. Праведника верхотурского края, что я с успехом и сделал».*⁴⁸

В Никито – Ивдельском селе, как и раньше отец Аркадий был законоучителем в Никито – Ивдельском двухклассном училище.⁴⁹

Ивдель. Выстроен Кинотеатр на территории бывшего храма.

5 января 1914 года у о. **Аркадия** умирает отец⁵⁰ – заштатный священник Каменского завода, **Николай Гаряев**.⁵¹

*«...Скончались родители..., похоронив
Их с честью, праведник Божий
Все помысленя, весь ум устремил
К небу ... и бедным проходим...»
Священникъ Арк. Гаряевъ.⁵²*

27 февраля 1914 года отец **Аркадий Гаряев** был переведён в село Боровское на место священника Свято – Никольского храма Камыщловского уезда (ныне Катайский район, Курганской области) **Александра Кокосова**⁵³. Село Боровское стало последним местом его служения. Здесь в возрасте 39 лет он примет мученический венец.

*Катайск. Татьяна Лесникова. 1915 г.
Крещена священноамучеником Аркадием.*

«Овчая Купель».

*Обретает тамо
человека, тридесять
и осмь лет... разслабленнаго,
Иара, сице некако именуема...
Понеже той имяше дати Иисусу ударение
послежде, егда архиерею Каиафепредстоящее...
(Синакс. В недел. 4 – ю по Пасце).*

*Свой праздник пятидесятницы столица Иудеи
Справляет... там всюду шум и суета,
Лишь мертвенно – тиха позабытая всеми –
Приют печали и болезни – Вифезда.
Лежит страдальцев там несчастных много, много:
Слепых, хромых, разслабленных... и ждут,
Когда посланник светлый Иеговы – Бога
Придет, коснется вод, – и воды оживут.*

*И преисполнится купель целебной силой
От прикосновения к ней посланника небес...
Тогда один больной, всех более счастливый,
Упавши в ту купель, оставит в ней болезнь.*

*Но долго нужно ждать тот случай вождевленный, -
Из всех больных один, и то однажды в год,
Получит силы и здоровье от купели...
А их так много, - тех несчастных, - ждет!*

*И вот, в такой великий день для Иудеи, -
Они, забытые, оставлены одни:
Здоровым не до них... и бедные евреи
Страдают вдвое... вокруг их не души...*

*Один из тех больных особенно несчастен, -
Разслабленный он тридцать восемь лет
Лежит здесь у купели... на чужое счастье
Он, бедный, стал уже без зависти глядеть!*

*К чему завидовать, - коль нет у него друга,
Который бы свел его в целебную купель!
И он привык уже, с страданиями недуга
Он примирился бедный – Иар, - иудей.*

*Но видит вдруг он, - будто привиденье, -
Некто стоит пред ним с сияющим лицом,
И вопрошает о его, несчастного, хотеньи
Разстаться навсегда с болезненным одром.*

*И вопль из глубины измученного сердца
Невольно вырвался: «о, Господи, хочу!..»
И, совершилось: вдруг болезнь его исчезла,
Здоровый он лобзал стопы тому врачу!..*

II.

*Шумит безумная толпа народа
У Каиафы на дворе... и требует суда
Над человеком, что всю жизнь не чтит субботу,
Глашал всеобщую любовь и делал чудеса...*

*И человек тот, с кротостью во взоре,
Стоит, безмолвно слушая своих судей,
Которые его старались опозорить,
Сами себя позорили лишь ложью той своей...*

*И вот один из них, в порыве слепой злобы,
Нанес безвинному рукой своей удар, -
Той самую рукой, которою, - знал кто – бы, -
Не мог владеть ты ранее, безчувственный Иар!*

*Да, это сделал он, - тот самый исцеленный
Христом при Вифезде, - Разслабленный Иар;
Он не узнал Того, пред кем он, умиленный,*

Так недавно еще во прахе ниц лежал...

Священник Арк. Горяев⁵⁴.

После того как страна лишилась Удерживающего, с началом установления Богоборческой власти в 1917 году созидательная деятельность отца *Аркадия* переходит в исповедническую и заканчивается мученической кончиной.

Свято Николаевская Церковь села Боровского, где служил и принял мученическую кончину.

12 июля 1918 года в селе Катайском комиссаром *Подпорным* – вором рецидивистом, прибывшим из Камышлова для организации частей красной армии – в Катайске – хлебной житнице Зауралья, был подписан Указ об образовании полка, получившего название «Первый Уральский Рабоче Крестьянский полк Красных Орлов». Характерной особенностью этого полка – являлся их особый почерк в борьбе с контр – революционной деятельностью, вместо расстрелов, и убийств они предпочитали рубить своих жертв шашками, насаживать на штыки, не убивая их до конца, а заставляя мучаться при кончине. Сохранились воспоминания участников полка, где они с удовольствием излагают свои «подвиги» военных лет. В большинстве случаев эти воспоминания относятся к концу 50 – х, началу 60 – х гг., пишущие их имели целью получение персональной пенсии.

Первый (действительно, первый по своей жестокости) Уральский полк, создавался из различных банд, орудовавших в окрестности. Кроме отрядов

местной бедноты, дезертировавших с фронта солдат, на территории Зауралья, орудовали также и военные отряды имеющие ярко – национальный оттенок – Китайцы, Магьяры. Одной из таких банд – красных Магьяр, убит наш отец *Аркадий*.

Так называемый Интернациональный полк, части которого состояли в большой степени из Магьяр – Венгров, отпущенных военнопленных,⁵⁵ принимал участие в Далматовском бою, а потом начавший отступление 11 июля в Катайск. Те же, по – видимому, бандиты из числа красных венгров, которые участвовали в расстреле Царской Семьи стали мучителями и нашего священномученика отца *Аркадия Гаряева*.

Мученическая кончина.

1 июля 1918 праздновался день святых бессребреников Косьмы и Домиана, отцом *Аркадием (Гаряевым)* состоялось венчание двух браков, упоминание об этом есть в метрической книге. Одна пара была местных жителей – крестьян села Боровского, а другая – пара крестьян, приехавших из Псковской губернии.

Во время таинства венчания священник троекратно обводит вокруг аналоя венчающихся. Песнопении поемые церковью для венчающихся, прославляющие подвиг святых мучеников, были – для отца *Аркадия*. По обычаю отец *Аркадий* пел: ***«Святии мученицы, добре страдевшие и венчавшиеся, молитесь ко Господу, да избавит нас от беззаконий наших.»*** Исполнив в жизни своей апостольское служение, предуготовив им себя к подвигу мученичества, отец *Аркадий* духом чувствовал приближение мученической кончины. В храме, в эти торжественные минуты совершения таинства священномученик воздавал Богу хвалебную песнь: ***«Слава Тебе Христе Боже, апостолов похвало и мучеников радование, ихже проповедь, Троица Единосущная.»***

В храм, по причине звона колоколов, ворвалась банда магьяр. Объявив священника в контрреволюционной деятельности, они вывели его из храма, и повели по дороге в сторону Катайска, зайдя в лес, красноармейцы остановились у больших оврагов. Сейчас это место называется поповскими ямами, там они убили отца *Аркадия*, подняв как говорит местное предание, на штыки.

Не позволив хоронить священника, тело его красноармейцы велели снести в падинник – место куда сбрасывали падший скот, там его и положили, прикрыв ветками. Некоторое время спустя, тело отца *Аркадия* было взято ночью четырьмя пожилыми прихожанками и перезахоронено.

Валентина Васильевна Мартюшева показывает место падинника села Боровского Камышловского уезда Екатеринбургской епархии (ныне Курганская епархия) историку краеведу Кротовой Галина Александровне.

Христос Воскресе!

Мария же стоаше у гроба вне плачуци (Иоан. 20 ст. 11).

*Не развело ещё... сквозь полусумрак утра
Видны неясно контуры деревьев, –
в саду Иосифа все тихо, – лишь понуро
Идет меж ними женщина... Презрев*

*И тьму и страх, сюда она спешила,
Чтобы поплакать здесь свободно, без людей...
Чтоб выплакать все горе, что скопила
Она в душе своей... До каменных дверей*

*Гробницы, скрывшей от нея навеки – человека,
Учителя, Небесного врача ея больной души,
Дойдя, упала ниц – рыдая, и деревьев ветви
Росою плакали над ней в предъутренней тиши.*

*Та женщина была Мария Магдалина, –
Она пришла на гроб Царя – Христа,
Царя души ея, Которого позором заклемила
Чернь Иудейская... С позорного креста.*

*Она сдрузьями, снявши, положила
Его в гробнице этой... Вдруг глядит
И видит чудо: гроба дверь открыта
И ангел Бога светлый в ней стоит!...*

*И говорит: Мария, что ты плачешь?
– Ты не ищи его во гробе, – Он воскрес!
– Воскресшего Его ты скоро встречаешь,
– Мужайся, верь, – настал слезам конец:*

– Христос Воскрес!... От счастья не верит

*Она словам посланника небес,
И плачет и спешит его слова проверить
У вертоградя... – «Коль скоро ты его унес,*

*Скажи мне, Господин! О, сжался надо мной!
«Мария – ей в ответ послышалось... Она:
«О, Раввуни!» воскликнувши, с восторгом и любовью
Упала ниц у ног Воскресшего Христа...*

Священник Арк. Гаряевъ.⁵⁶

Тело отца **Аркадия**, как указывается в метрических книгах, было погребено в церковной ограде. Отпевание и погребение совершалось, 11 июля, после прихода белогвардейцев, торжественно, в присутствии всего местного духовенства. Погребен был отец **Аркадий**, в церковной ограде, в склепе за алтарем Свято – Николаевского храма. Запись в метрических книгах гласит: «погребен в церковной ограде». В один день с отцом **Аркадием** был убит, и в один с ним день был погребен прихожанин 59 лет, **Никита Титович Мартюшев**.

Прослужил отец **Аркадий Гаряев** Церкви Христовой 20 полных лет с 30 июня 1897 года по 1 июля 1918 год, когда и был убит.

Памяти поэта - самоучки

А. В. Кольцова

(к столетию со дня рождения, - род. 2 окт. 1809 г.)

*Сто годов прошло
С того времени,
Как в несчастный час,
В безталанный час
Без рубашки ты родился на свет "...*

*Жизнь была тебе
Злою мачехой, -
Ты в родной семье
Рос - непонятый;
Затаив в себе
Искру Божию,
Ждал когда она вспыхнет пламенем...*

*И пришла пора –
Песни чудныя
Ты запел, как тот
Соловей в саду:
В них любовь была,
В них тоска была,
Как степная ширь –
Необъятная...*

*И по сердцу те
Песни чудныя
Пришлись люду всему
Православному:
Понял он твою
Душу скорбную,
Что вложил в них всю*

Ты с любовью

*И пришли года...
Степь привольная,
Ковылем-травой колыхаяся
Слышит песни твои, -
Распевают их
Стар и млад,
Тебе поминаючи.*

*Уж давно ты сам
Спишь в сырой земле,
Тело в прах – твоё
Обратилось...
Но душа твоё
Живёт в песнях тех, -
Не умрёт она
Через них навеки...*

*И в сердцах простых
Не изгладиться
Твоё имя, для них –
Имя славное.*

*Тропу торную
Не затянет травой
До могилы твоей,
В кою спать ты лег
Безо времени.*

1909 г. 1 октября

Священник Арк. Горяев⁵⁷.

В 2001 году, священником отцом *Александром Никулиным*, склеп был открыт для поклонения. С южной стороны склеп был раскопан, из стены был вынут кирпич, и все увидели не тронутый временем гроб. На месте склепа ощущалось тонкое благоухание, одна женщина получила исцеление от болезни.

Могила священномученика Аркадия.

Решением Синода от 2002 года священномученик **Аркадий Гаряев** был причислен к лику Святых в Соборе новомучеников и исповедников Российских.

В январе 2005 года преосвященным Михаилом, епископом Курганским и Шадринским на Епархиальном собрании местного духовенства был заслушан доклад священника Свято – Никольской церкви отца **Сергия**

о священномученике **Аркадии Гаряеве** пресвитере Боровском. Владыка высказал своё благорасположение, в деле почитания Божьего Угодника, благословил написание Иконы ему, и служение ему молебнов, а также благословил дальнейший сбор материалов, в особенности тех, которые указывали бы на место погребения священномученика, а также Владыка **Михаил** сказал, что эта информация будет послана Митрополиту **Ювиналию** с просьбой о поднятии его мощей. Вот одно из таких свидетельств – воспоминание бывшего настоятеля Свято – Никольского храма протоиерея отца **Александра Никулина** приведено ниже:

«В 1986 году, почти через 70 лет после захоронения священномученика, настоятель церкви Святителя Николая в селе Боровском (никогда не закрывавшейся) ныне почивший отец Николай Покровский благословил ископать «святой колодец» для остатков освящённой воды. Когда наткнулись на кирпичную кладку гробницы на глубине двух метров, в воздухе распространилось обильное благоухание. Место вновь засыпали землёй, поставили крест и об этом, отец Николай поведал заступившему на его место отцу Александру Никулину. После расспроса старых прихожан мы узнали, что это могила отца Аркадия Гаряева. Вскоре благодаря данным Зарубежной Церкви, стала известной дата его мученической кончины. И с этого времени в день его памяти, стали служить великую панихиду и пропевать песнопения Новомученикам и Исповедникам Российским. в бору отыскали место гибели священномученика, Поповские Ямы, и там был установлен большой крест. В 1996 году у святого креста побывала вдова племянника Царя – Мученика Ольга Николаевна Куликовская – Романова. Почитание священномученика Аркадия стало частью жизни прихожан – паломников этой церкви и создавшегося здесь монастыря. В 2002 году по некоей благовидной причине вновь был прорыт ход к гробнице отца Аркадия. На сей раз, из гробницы был аккуратно вынут один кирпич и все присутствовавшие увидели прекрасно сохранившийся сосновый гроб, покрытый местами облупившейся зелёной краской. При июльской жаре в течении двух недель от гроба исходило тонкое благоухание. На гробницу поставили икону Святой Троицы и зажгли лампаду. Многие молились и прикладывались к очевидной святыне. Одна женщина исцелилась от своего недуга. По благословению правящего архиерея Курганской епархии Преосвященного Михаила могилку священномученика вновь прикрыли землёй в ожидании судеб Божьих»

Тропарь, гл. 3.

**Церкви Русския столпе непоколебимый, / благочестия
правило, / жития евангельского образе,
священномучениче Аркадие, / Христа ради пострадавый
даже до крове, / Егоже моли усердно, / яко Начальника и**

**Совершителя спасения,/ Русь святую утвердити в
Православии// до скончания века .**

*Святой
священномучениче
Аркадий
Моли Бога о нас!*

Печатные и архивные источники

- ¹ Клировая ведомость Покровской церкви Горнощитского села, 1891.: ГАСО Ф.6 Оп.4 Д.43 Л.53об.-54об; ПЕВ. – 1881. – С. 297; ЕЕВ. – 1887. – С. 732.
- ² Клировая ведомость Покровской церкви Горнощитского села, 1891.: ГАСО Ф.6 Оп.4 Д.43 Л.53об.-54об.
- ³ Там же; Пермские Епархиальные Ведомости. – 1881. – С. 297; ЕЕВ. – 1887. – С. 732.
- ⁴ Екатеринбургские Епархиальные Ведомости. – 1908. – № 35. – С. 613.
- ⁵ Клировая ведомость Покровской церкви Горнощитского села, 1891.: ГАСО Ф.6 Оп.4 Д.43 Л.53об.-54об;
- ⁶ там же.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Екатеринбургские Епархиальные Ведомости. – 1892. – №27 – 28. – С. 700. ЕЕВ. – 1894. – №29. – С. 717.
- ⁹ Екатеринбургские Епархиальные Ведомости. – 1896. – №26. – С. 649.
- ¹⁰ Клировая ведомость Николаевской церкви села Боровского, 1915 – 1917 г: архив Екатеринбургской Православной Духовной семинарии; Справочная книжка Екатеринбургской епархии на 1904 год, С. 182; Справочная книжка Екатеринбургской епархии на 1905 год, С. 213; Справочная книжка Екатеринбургской епархии на 1909 год, С. 108; Справочная книжка Екатеринбургской епархии на 1915 год, С. 108.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Клировая ведомость Николаевской церкви села Боровского, 1915 – 1917 г: архив Екатеринбургской Православной Духовной семинарии.
- ¹³ Клировая ведомость Николаевской церкви села Боровского, 1915 – 1917 г: архив Екатеринбургской Православной Духовной семинарии; Справочная книжка Екатеринбургской епархии на 1904 год, С. 182; Справочная книжка Екатеринбургской епархии на 1905 год, С. 213
- ¹⁴ Клировая ведомость Николаевской церкви села Боровского, 1915 – 1917 г: архив Екатеринбургской Православной Духовной семинарии.
- ¹⁵ Екатеринбургские Епархиальные Ведомости. – 1895. – №22. – С. 535. Справочная книжка Екатеринбургской епархии на 1904 год, С. 182; Справочная книжка Екатеринбургской епархии на 1905 год, С. 213
- ¹⁶ Екатеринбургские Епархиальные Ведомости. – 1892. – №29. – С. 731. Справочная книжка Екатеринбургской епархии на 1904 год, С. 181; Справочная книжка Екатеринбургской епархии на 1905 год, С. 213
- ¹⁷ УГААОСО, ф.1, оп. 2, д.16854 Л.50
- ¹⁸ Клировая ведомость Николаевской церкви села Боровского, 1915 – 1917 г: архив Екатеринбургской Православной Духовной семинарии.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же; Справочная книжка Екатеринбургской епархии на 1909 год, С. 108.
- ²¹ Клировая ведомость Николаевской церкви села Боровского, 1915 – 1917 г: архив Екатеринбургской Православной Духовной семинарии.
- ²² Клировая ведомость Николаевской церкви села Боровского, 1915 – 1917 г: архив Екатеринбургской Православной Духовной семинарии.
- ²³ Екатеринбургские Епархиальные Ведомости. – 1908. – №15 – 16. – С. 289 – 290.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Памятная книга Пермской Губернии на 1880 год, С. 35 – 42.
- ²⁷ Екатеринбургские Епархиальные Ведомости. – 1910. – №2. – С. 597.
- ²⁸ Екатеринбургские Епархиальные Ведомости. – 1909. – №33. – С. 500 – 504.
- ²⁹ Екатеринбургские Епархиальные Ведомости. – 1909. – № 31. – С. 466 – 468.
- ³⁰ Справочная книжка екатеринбургской епархии на 1904 год, С. 7; Справочная книжка Екатеринбургской епархии на 1905 год, С. 7, 10 – 11; Справочная книжка Екатеринбургской епархии на 1909 год, С. 5, 6, 9, 15;
- ³¹ Екатеринбургские Епархиальные Ведомости. – 1909. – № 31. – С. 466 – 468.
- ³² Екатеринбургские Епархиальные Ведомости. – 1910. – № 1. – С. 9.
- ³³ Екатеринбургские Епархиальные Ведомости. – 1915. – №38. – С. 677.
- ³⁴ Екатеринбургские Епархиальные Ведомости. – 1910. – № 1 – 2. – С. 25.
- ³⁵ Екатеринбургские Епархиальные Ведомости. – 1910. – №2. – С. 597 – 602.
- ³⁶ Екатеринбургские Епархиальные Ведомости. – 1908. – № 35. – С. 613.
- ³⁷ Здесь намеренное изменение отцем Аркадием Евангельского слова, в Евангелии – «мимоходящие» (Мк 15. 29; Мф 27. 39).
- ³⁸ По всей видимости, здание указанное здесь – эта часовня, перестраиваемая по прошению отца Аркадия в странноприимный дом.
- ³⁹ Екатеринбургские Епархиальные Ведомости, 1911, С 270 – 279. (н/оф отд.)
- ⁴⁰ Молитва читаемая Епископом при священнической хиротонии.
- ⁴¹ Капля камень точит.

-
- ⁴² ЕЕВ. – 1912. – № 9. – С. 199 – 206.
- ⁴³ ЕЕВ. – 1909. – № 37. – С. 561 – 562.
- ⁴⁴ Екатеринбургские Епархиальные Ведомости . – 1913. – № 41. – С. 975.
- ⁴⁵ Клировая ведомость Николаевской церкви села Боровского, 1915 – 1917 г: архив Екатеринбургской Православной Духовной семинарии; ЕЕВ. – 1912. – № 42. – С. 484.
- ⁴⁶ Екатеринбургские Епархиальные Ведомости . – 1915. – №38. – С. 677.
- ⁴⁷ Екатеринбургские Епархиальные Ведомости . – 1917. – № 17. – С. 102.
- ⁴⁸ Екатеринбургские Епархиальные Ведомости . – 1913. – № 42. – С. 13.
- ⁴⁹ Клировая ведомость Николаевской церкви села Боровского, 1915 – 1917 г: архив Екатеринбургской Православной Духовной семинарии.
- ⁵⁰ Екатеринбургские Епархиальные Ведомости . – 1892. – № 3. – С. 68. Клировая ведомость Покровской церкви Горнощитского села, 1891: ГАСО Ф.6 Оп.4 Д.43 Л.53об.-54об.
- ⁵¹ Екатеринбургские Епархиальные Ведомости . – 1914. – № 9. – С. 80.
- ⁵² Екатеринбургские Епархиальные Ведомости . – 1908. – № 35. – С. 613.
- ⁵³ Клировая ведомость Николаевской церкви села Боровского, 1915 – 1917 г: архив Екатеринбургской Православной Духовной семинарии.
- ⁵⁴ Екатеринбургские Епархиальные Ведомости . – 1908. – №27. – С. 481 – 483.
- ⁵⁵ Известия Екатеринбургской Церкви. – 1918. – С. 279 – 281.
- ⁵⁶ Екатеринбургские Епархиальные Ведомости . – 1909. – № 15. – С. 215 – 216.
- ⁵⁷ Екатеринбургские Епархиальные Ведомости . – 1909. – № 39. – С. 599 – 601.

Авторский коллектив просит Ваших молитв:

Автор – Галина Александровна Кротова и Андрей Печерин.
Редактор – Галина Александровна Кротова
Компьютерная верстка- Кирилл Комиссаров.
Набор текста – Андрей Печерин.